

КРАСОТКА

для подиума

РОМАН-ОТКРОВЕНИЕ

МАША
ЦАРЕВА

КРАСОТА – ЭТО КЛЕЙМО,
ЧЕРНАЯ МЕТКА, КОТОРАЯ
МЕШАЕТ ЕЕ ОБЛАДАТЕЛЬНИЦЕ
ПОСТРОИТЬ ДОВЕРИТЕЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ С ПРОТИВО-
ПОЛОЖНЫМ ПОЛОМ.

ХОРОШО ИМЕТЬ
«ПРЕСТИЖНУЮ» ВНЕШНОСТЬ –
ДЛИННЫЕ НОЖКИ, ВЫСОКИЙ
РОСТ. ТАКИЕ ДАННЫЕ ВСЕГДА
ВОСТРЕБОВАНЫ, ЛЕГКО НАЙТИ
ЖЕЛАЮЩИХ ПРИОБРЕСТИ ИХ
ПО СДЕЛЬНОЙ ЦЕНЕ.
ОПТОМ – ДЕШЕВЛЕ.

Маша Царева

Красотка для подиума

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319112

Красотка для подиума: Эксмо; М.; 2010

ISBN 978-5-699-42145-9

Аннотация

«Красотка для подиума» – это первый роман Маши Царевой о подиумном закулисье. Четыре истории о жизни одной и той же красивой женщины – то она оказывается преданной, то вынуждена была предать сама, чтобы ближе подобраться к вожделенному статусу топ-модели. Это все она – растерянная участница конкурса красоты, которой в пудреницу подсыпали толченого стекла, роскошная топ-модель, работающая на лучших парижских шоу, жрица танталова культа, питающаяся сырыми огурцами и вареным шпинатом, участница шумных вечеринок, тайная пациентка клиники пластической хирургии. Рецепт модельного счастья алхимически точен и неосуществим для большинства искательниц счастья. Сила воли, железные нервы и шепотка удачи, без которой все может пойти прахом.

Ранее это произведение выходило под названием «Ранняя ягодка, или Смотрите, кто идет».

Содержание

Часть I

7

Конец ознакомительного фрагмента.

86

Маша Царева

Красотка для подиума

Мне нужен муж, – полушутя сказала я своей подруге Лизе за поздним завтраком в безлюдном кафе на Садовом кольце.

Ели креветочный салат, пили свежавыжатый сок сельдерея. Лизка прицельно стреляла глазами по сторонам – она (как, впрочем, и я) была одинока и каждый «выход в свет» – будь то покупка продуктов в супермаркете или завтрак с подружкой – воспринимала как шанс познакомиться с кем-нибудь, кто отведет ее наконец в ЗАГС. Ну или, на худой конец, купит ей очередную пару дизайнерских босоножек.

Лизка – из тех, кого глянцево-журнальные называют светскими львицами. Бывшая манекенщица, заядлая, как сейчас принято говорить, тусовщица, она обладает незабываемой внешностью канонической красавицы. Но, несмотря на это, заметных успехов в модельном бизнесе ей добиться не удалось, хотя в свое время она подавала большие надежды. А сейчас... ну а сейчас она просто содержанка со стажем. И не надо криво ухмыляться – недурственная, между прочим, профессия. И весьма хорошо оплачиваемая (в отличие от моей). По крайней мере, Лизе не приходится, как мне, сдавать в элитные комиссионки старую одежду и питаться морковкой и свеклой не в целях снижения веса, а потому что на более вкусные продукты просто не хватает средств.

Лизку я знаю тысячу лет. И даже по-своему ее люблю.

– Что значит нужен муж? – Ее бежевые татуированные брови взлетели над темными очками (подозреваю, что Лизавета провела весьма бурную ночь, иначе с чего бы ей прятать синие очи за непрозрачными стеклами).

– То и значит, – вздохнула я. – Понимаешь, Лизок, я устала. Я больше не могу. Мне надоело пробиваться. Добиваться. Выбиваться. – Я сердито отодвинула прочь стакан с горьковатым соком. Этот здоровый образ жизни у меня поперек горла стоял. Больше всего на свете мне хотелось расслабиться... Заказать огромную тарелку картофеля фри – горячего, масляного. Сок заменить на темное пиво с толстым пенным одеялом. Закурить, наконец. Но я, в отличие от Лизаветы, все еще была вынуждена зарабатывать на жизнь самостоятельно. И я все еще работала моделью.

– Знаешь, по-моему, тебе грех на жизнь жаловаться, – нахмурилась Лизка, – ты пользуешься успехом, тебя иногда снимают, у тебя постоянно кастинги...

Я знала, что к моей модельной карьере она относится с ревностью неудачницы.

– Кастинги, кастинги... Понимаешь, Лизок, устала я. Еще чуть-чуть – и сорвусь. Мне уже не по силам выдерживать этот ритм. Меня тошнит от всех этих ограничений. Курить не больше двух сигарет в день, употреблять не больше тысячи калорий в день, сжигать не меньше тысячи калорий в день... Надоело! Надоело! Мне нужен муж.

– Что-то ты, мать, разбушевалась... – растерянно протянула Лиза.

– Устала, – тихо вздохнула я, – любой бы на моем месте устал. Я знакома со столькими людьми, что не могу даже запомнить имена всех тех, кто считает меня близкой подругой. Да что там, я даже не помню имен некоторых мужчин, с которыми спала! Мои биологические часы барахлят. Каждый четверг, пятницу и субботу, ночью, я пью коньяк в клубах, вместо того чтобы отлежаться в ванне и лечь пораньше спать. Мои зубы ломит, потому что их постоянно приходится отбеливать, а это ужасно вредно. У меня гастрит и кокаиновый насморк. Я сделала пластическую операцию, и все равно на моем лбу – морщина. Я ее ненавижу! Я чувствую себя такой старой. Я – старая развалина, подбитый танк! Старуха!

Лизка изумленно смотрела на меня поверх темных очков.

В том году мне исполнилось двадцать.

Часть I

ПОХОДКА ОТ БЕДРА

Мне едва исполнилось четырнадцать лет, когда на мои глаза попало объявление, опубликованное в одном из глянцевого журналов не последней величины. «Для участия во всероссийском конкурсе фотомоделей приглашаются девушки не старше двадцати лет и не ниже ста семидесяти пяти сантиметров». Дело было летом; мучимая томительным ничегонеделанием в загазованной, душной Москве, я решила, что вполне могу поучаствовать в этой аванюре.

Не то чтобы я мечтала стать профессиональной высокооплачиваемой красавицей. Тоже мне торговка красотой! Да я и красавицей-то себя не считала и, наверное, была права. Не знаю уж, что такое красота, но едва ли к ней можно отнести существо неопределенного пола, сутуловатое, тощее, неловко путающееся в чересчур длинных конечностях – а именно таким существом я и была. Но чем черт не шутит. По крайней мере, ростом меня не обделили (положа руку на сердце, я бы предпочла, чтобы природа была чуть менее щедра, когда отсыпала в мой актив сантиметры: все-таки метр восемьдесят два для четырнадцати лет – это, согласитесь, перебор)...

И вот я заполнила вырезанную из журнала анкету, вложи-

ла в конверт две собственные фотографии, отнесла письмо на почту и сразу же о нем забыла. Потому что были в моей жизни проблемы куда важнее призрачного конкурса.

Самая главная проблема состояла в том, что в моем школьном дневнике толпились сплошные четвертные тройки, и именно за это родители лишили меня развеселого дачного отдыха. Мои родители – спортсмены, отец когда-то даже играл за сборную страны по волейболу, мама – мастер спорта по легкой атлетике. Люди они старой закалки, решительные и волевые. В свое время были, как водится, коммунистическими активистами, но, когда долгожданное светлое будущее вдруг обернулось неопределенно-черным настоящим, их активность нашла применение в моем воспитании.

Поверьте, непросто быть единственной дочерью энергичных молодежавых спортсменов. Я с детства была задумчивой и слабенькой, мне бы сесть в углу с каким-нибудь кубиком Рубика – так нет же, на меня нахлобучивали шапку с помпоном и тащили на каток. Или – что еще хуже – в бассейн. Или в Измайловский парк с деревянными лыжами наперевес. Хорошо еще, что ловкость никогда не была моим достоинством. На катке я разбивала в кровь нос, в лягушатнике умудрялась захлебнуться до обморочного состояния, а лыжи ломались, как только я пыталась съехать с любого пригорка.

В конце концов разочарованные родители поняли, что спортсменки из меня не выйдет, зато может получиться кандидат, а то и доктор каких-нибудь наук. Так в нашей и

без того тесноватой квартирке поселилась многотомная детская энциклопедия, статьи из которой мама заставляла меня учить наизусть. Понимаю, она искренне желала мне добра. Но особого интереса к учебе я не проявляла. Читала медленно, считала плохо, а только что выученные английские слова мгновенно вылетали из моей головы.

Когда классная руководительница однажды вкрадчиво поинтересовалась, кем я хочу стать, когда вырасту, я, ни на секунду не задумавшись, ответила: женой. Было мне тогда одиннадцать лет, и, по-моему, я была единственной в классе, кто ответил честно. Я ни за что не поверю, что одиннадцатилетняя тонконогая сопля может всерьез мечтать о карьере хозяйки нотариальной конторы – а именно так заявила классной моя подруга, за такой серьезный подход к собственному будущему снискавшая всеобщее к себе уважение. А меня – ну естественно! – отругали и пристыдили, до сих пор не понимаю почему. Как будто бы быть мамой, например, близнецов – занятие менее интересное и уважаемое, чем с важным лицом ставить печать на чужие документы. Полный бред.

А время шло. Я перешла в девятый класс, и перед родителями всерьез встал вопрос о моем профессиональном будущем. Пора было выбирать институт, искать репетиторов, записываться на какие-то курсы. Все это наводило на меня ужас. Какие курсы, если я с трудом представляю, что такое косинус? Ну какие курсы, если меня ничего не интересует (я,

конечно, имею в виду школьную программу)?! Если только кулинарные... Но сказать об этом родителям я не осмеливалась. Ладно уж, благоразумно решила я, пусть делают что хотят. Как-нибудь выкручусь. В конце концов, какой бы институт они ни выбрали, вряд ли мне удастся туда поступить. Кому я там нужна? Я так и не научилась в свое время плавать в бассейне, зато у меня прекрасно получалось плыть по течению, полностью покоряясь обстоятельствам.

И вот, когда очередной учебный год закончился бесславно, родители, посовещавшись, решили, что меня надо наказать лишением дачного времяпровождения. На даче меня ждали подружки, ждал раздолбанный велосипед, ждали местные мальчишки, угощающие палаточным пивом и иногда срывающие поцелуй. Так нет – меня заперли в комнате, выдали мне учебник английского и сказали: читай, доченька, просвещайся. Будешь поступать в МГУ, на географический. Станешь каким-нибудь экологом, а что – модная специальность. Мальчика себе найдешь подходящего – только уж, пожалуйста, не иногороднего, впрочем, мы это как-нибудь проконтролируем. К тому же на географическом есть у нас одна знакомая, она как-нибудь тебе поспособствует...

Ну что делать – засела я за учебники. Толку – ноль. Какие учебники, если за окном – томное лето, в горячем воздухе кружит тополиный пух и заманчиво пахнет костром (хотя какие в Москве костры, наверное, это кто-то поджег по-мойку)? Все кончилось тем, что целыми днями я бездумно

плялилась в странички, изредка их для видимости переворачивая. Родители были довольны, я же пребывала на грани нервного срыва.

Я мечтала, чтобы время шло быстрее. Ходить в школу – и то веселее, чем тосковать в душной комнатенке. Но, как назло, минуты ползли, как обкуренные улитки.

Наверное, к концу лета я завяла бы и захирела, как лишенный удобрения тропический цветок. Но в начале августа произошло нечто из ряда вон выходящее – в почтовом ящике мною был обнаружен странный розовый конверт, причем письмо было адресовано мне. Сказать, что я удивилась, значило бы не сказать ничего. С эпистолярным жанром я не в ладах, так что друзей по переписке у меня никогда не было. Сгорая от нетерпения, я разорвала конверт, и на ладони мне выпал листок.

«Поздравляем госпожу Анастасию Николаеву (имя было вписано убористым почерком от руки) с прохождением первого тура всероссийского конкурса фотомоделей «Дрим-косметикс – Нью-Йорк». Второй тур конкурса пройдет девятого августа в пятнадцать ноль-ноль (по такому-то адресу) в клубе «Айвенго». При себе иметь купальник и туфли на высоком каблуке. Просьба не использовать декоративную косметику и укладочные средства для волос».

Я зажмурилась, потом опять открыла глаза, но письмо никуда не исчезло. Мелькнула подозрительная мысль: а вдруг глупый розыгрыш? Но потом я вспомнила: никто не знал о

том, что я отправила свои фотографии в журнал. Я взглянула в зеркало, висящее на стене. Оттуда испуганно и недоверчиво смотрело на меня полудетское еще лицо – огромные серые глазища, бесцветные бровки, тонкий нос, который сама я всегда считала длинноватым и несоотносимым с понятием «гармония», и узкие губы. Может быть, меня с кем-нибудь перепутали? Может быть, в конкурсе участвовала еще одна Настя Николаева – пухлогубая, отлично сложенная блондинка? Но подозрения были беспочвенными. В глубине души я понимала, что никакой ошибки не произошло и скоро мне предстоит стать – кто бы мог подумать – фотомоделью!

Если, конечно, повезет.

Спокойствие, только спокойствие. Стратегическая задача номер один – раздобыть туфли на каблуках. Я ведь и так была на целую голову выше всех ровесников, поэтому каблучков не носила. Стратегическая задача номер два – под каким-нибудь предлогом выбраться из-под родительского призора на один-единственный вечер. Я прекрасно понимала, что родителям моим вряд ли понравится вся эта фотомодельная затея. Они, люди несовременные, искренне считали слова «фотомоделль» и «проститутка» полными синонимами.

Как ни странно, первая задача оказалась гораздо сложнее второй. Как и у большинства людей высокого роста, у меня большой размер ноги. Никто из моих подруг не носил туфельки сорок первого размера, поэтому одолжить вожде-

ные каблуки было не у кого. В конце концов я решила: да будь что будет! Им же нужна я, а не моя обувь. Может быть, даже хорошо, что у меня не получилось достать шпильки. Все равно я не умею на них ходить. Представляю, как вытянулись бы лица у членов жюри, когда я появилась бы на сцене, балансируя на каблуках, размахивая руками, как канатоходец, и покачиваясь из стороны в сторону, как подвыпивший матрос.

Что касается родителей, то им я, сдвинув брови к переносице, сказала:

– Я решила записаться в библиотеку.

– В библиотеку? – недоверчиво переспросил отец. – Но зачем?

– У нас дома не так-то много книг, – пожала плечами я. Это было правдой.

– Но ты и их еще не прочитала, – благоразумно возразил мой папочка.

– Может быть, я хотела бы почитать другие!

– Да ладно, оставь ее, – вступилась за меня мама, которая считала, что любой трудовой порыв должен быть поощрен, – если хочет, пусть запишется. А ты мог бы ее проводить.

– Вот еще! – Мой голос зазвенел. – Что я вам, маленькая? И потом, со мной подруга пойдет.

– Какая подруга? – подозрительно поинтересовалась мама. – Разве они все не разъехались?

– Не все. Ладно, если нельзя, то останусь дома. – Я пожала

плечами, изображая покорность.

Знала ведь, прекрасно знала, что родительское сердце не выдержит. В последнее время я вела себя как паинька, выходила из дома только в булочную, прилежно корпела над книгами (то есть это они так думали, на самом деле я смотрела сквозь страницы, изнывая от скуки). И потом, я же в библиотеку собиралась, а не в стрип-клуб. Поэтому тем же вечером мама зашла в мою комнату со словами:

– Настена, мы с отцом все обсудили и решили, что надо тебя отпустить. Но ты точно в библиотеку собралась?

– Точно, точно, – успокоила я ее и для большей убедительности добавила: – Мне же через два года в институт поступать, пора начинать готовиться.

Мамино лицо расплылось в широчайшей улыбке. Однодневная свобода была мне гарантирована.

На следующий день я покинула квартиру в приподнятом настроении. На моем плече болталась сумка, в которой лежали запасная пара колгот и выцветший купальник. Волновалась я так, словно мне и впрямь предстояло сдавать вступительный экзамен в университет. Почему-то мне казалось, что быстрыми нервными шагами я приближаюсь к другой, совершенно новой жизни, и, как выяснилось много позже, предчувствие это не было ошибочным.

До того самого дня мне никогда в жизни не доводилось бывать в ночном клубе, и втайне я, конечно, опасалась, что

добровольно иду в притон наподобие тех, которые показывают в американских блокбастерах. Полуодетые красногубые девицы с неустоявшимися моральными приоритетами, пьяные богатеи, охочие до одноразовой любви, и вдруг прихожу я – незабудка со свежесмытыми волосами и в стоптанных туфельках.

Когда я подходила к клубу «Айвенго», меня била нервная дрожь, и пару раз я была близка к тому, чтобы развернуться и убежать. Успокаивала я себя так: все же объявление об этом конкурсе было опубликовано в приличном журнале; вряд ли мой любимый журнал взялся бы рекламировать публичный дом, куда обманом увлекают доверчивых дур вроде меня.

– Вы на конкурс? – строго спросил охранник (впрочем, сначала я приняла его за хозяина заведения, потому что на нем был недешевый черный костюм и блестящие начищенные ботинки).

– Да, – несмело улыбнулась я.

– Фамилия!

– Николаева, – проблеяла я, – Анастасия Николаева.

Он сверился со списком, потом кивнул:

– Проходите. На второй этаж, потом по коридору четвертая дверь налево.

Я пошла в указанном направлении и попала прямоком в примерную, заполненную девушками самых разных возрастов и мастей. Положила сумку на первый попавшийся стул и огляделась по сторонам.

Не могу сказать, чтобы все присутствующие девчонки были безусловными красавицами. Некоторые из них едва ли даже соответствовали оговоренным в журнале параметрам – кто-то был не слишком высок, кто-то полноват, а отдельные личности давно успели разменять третий десяток. Но попались и настоящие «фамм-фаталь». Особенно мне запомнилась одна, на вид моя ровесница, гармонично сложенная блондинка с точеным лицом. Это и была Лизка, ставшая впоследствии одной из моих ближайших подруг. Но случилось это намного позже, а тогда я всего лишь отметила, что красота этой девушки подобна удару в солнечное сплетение. Во мне даже проснулось нечто, смутно напоминающее зависть. Будь у меня такое лицо, я бы не растерялась, подумала я. Я бы... Я бы... Да неважно, что именно я сделала бы, – ведь обладательнице такого ангельского личика открыт безвизовый вход в любую область деятельности. Откуда мне было знать, что эта красавица не сможет воспользоваться данными ей преимуществами и станет всего лишь разбитной девахой Лизкой, которая спит с уцененными персонажами за шмотки и не слишком дорогие драгоценности. Она и сама вряд ли могла предсказать подобный ход событий, ведь тогда ей было всего пятнадцать лет, и она всерьез мечтала о мировой славе.

– Девочки, слушаем меня! – В гримерной появилась невысокая сутуловатая женщина с буйными черными кудрями. Создавалось впечатление, что вместо волос на ее голове вы-

рос традиционный головной убор кавказских горцев. – Меня зовут Лена Штиль, я ассистент отдела моды журнала. Через десять минут мы начинаем, а сейчас я вам объясню, что надо делать. – У Лены был негромкий, но приятный грудной голос. Девушки притихли. – По фотографиям мы отобрали сто пятьдесят человек. А сегодня из ста пятидесяти будут выбраны двадцать – те, которым и предстоит участвовать в финале. В зале находится жюри... – Она назвала несколько незнакомых фамилий. Но по тому, как охнули некоторые девушки, я поняла, что речь идет о каких-то видных представителях шоу-бизнеса. – Я буду вызывать вас по пять человек. Когда кто-то находится на сцене, следующая пятерка уже готовится к выходу. Ваша задача – просто пройти по сцене и остановиться перед членами жюри. Не надо стараться идти красиво, все равно вы пока не умеете ходить. Сейчас значение имеет только ваша внешность. Тем, кто еще не переоделся, советую сделать это побыстрее. И не забудьте: никакой косметики быть не должно, у вас еще есть время умыться. – Она насмешливо посмотрела на одну из начинающих моделей, густо накрученную девушку лет двадцати. – Предупреждаю, что с накрашенными особами жюри даже разговаривать не будет. Нам важно видеть ваши чистые лица.

Лена назвала первые пять фамилий и вместе с трясущимися от страха конкурсантками покинула комнату. Я же быстро сняла через голову платье и достала из сумки купальник.

– Какая ты худая! – обратилась ко мне та самая ангело-подобная блондинка, внешность которой меня восхитила. – Сколько тебе лет?

– Четырнадцать. – Я немного смутилась. Мне было неловко, что я, полуголая и костлявая, стою перед ней, такой изящной и идеально сложенной. Ее купальник – новый и явно очень дорогой – не имел ничего общего с моим, простеньким и выцветшим на солнце...

– Мне пятнадцать. Меня Лиза зовут.

– Настя.

– Тебе уже приходилось работать?

Наконец я решилась снять трусы и надеть купальник. В самом деле, было глупо стоять перед ней, прикрывая ладонями неразвитую грудь.

– Нет. А тебе?

– Немного, – усмехнулась она, – но не в Москве.

– А откуда ты?

– Из Волгограда. У нас там тоже есть театр моды, в котором я была звездой.

Мне хотелось воскликнуть: «Ну еще бы!» – но потом я подумала, что неприлично так откровенно восхищаться достоинствами другой девушки.

– А в Москве ты с родителями?

Она как-то странно посмотрела на меня, потом сказала:

– С братом. Я давно отправила свои фотки в журнал и, как только пришел ответ, приехала сюда.

– Это хороший конкурс?

Она уставилась на меня так, словно я как ни в чем не бывало поинтересовалась, кто такой Пушкин.

– Ты серьезно? – Увидев, что я смущенно молчу, Лиза продолжила: – Один из самых лучших! Победительницу отправят в Нью-Йорк, в модельное агентство.

– Победительницу, – усмехнулась я, – здесь столько народу, что стать победительницей не так-то просто...

В этот момент в гримерку ворвалось живое подтверждение моих слов – заплаканная девушка, которой уже довелось побывать на сцене перед жюри. Это была та самая нарумяненная красотка, которая все же проигнорировала предупреждение Лены Штиль и теперь жестоко за это поплатилась.

– Не взяли, – всхлипывала она, – не взяли!

Будущие звезды подиума реагировали на ее истерику по-разному. Кто-то бросился ее утешать, кто-то злоратно усмехнулся.

Тем временем на сцену отправилась вторая пятерка. Из первых же пяти девушек, как выяснилось, в финал не вошел никто.

– Оставь мне свой телефон, – попросила Лиза, – вместе веселее пробиваться. Если не пройдем, можно вместе пойти в «Дженерал».

– Куда-куда?

– «Дженерал», – снисходительно улыбнулась моя новая подруга, – это крупнейшее в Москве агентство моделей.

– Вообще-то я не уверена, что хочу работать моделью, – призналась я.

– Что же ты тогда здесь делаешь?

– Не знаю... У меня родители строгие, заставляют учиться... А я сюда сбежала...

В этот момент чернокудрая Лена Штиль произнесла мое имя. И Лизкино:

– Анастасия Николаева, Елизавета Семчук, Анна Прялкина, Николь Самыкина и Виктория Дроздова.

– Прикольно, мы вместе, – обрадовалась Лизка.

Мы заторопились к выходу. Я наскоро расчесала волосы, а Лиза вороватым движением извлекла из кармана баночку с тональным кремом и быстро замазала прыщ на щеке. Потом еще и губы подкрасила.

– Ты что! Не слышала, что сказали про косметику?

– Не дрейфь! Немного краски еще никому не помешало. Я бы и тебе советовала губы подрисовать, а то ты какая-то бледная.

– Нет уж, я не буду. Мне вообще все равно, возьмут меня или нет.

Я сказала правду. О карьере модели я никогда не задумывалась, а вся эта история с конкурсом и так уже развлекла меня и встряхнула.

К нам подошла тоненькая шатенка, похожая на Снежную королеву, – бледное лицо с неярким розовым румянцем, темные четкие брови, небольшая вертикальная морщинка на

чистом высоком лбу, намекающая на легкую задумчивость, и огромные серые глаза.

– Вы тоже сейчас идете? Меня зовут Николь.

Лизка радостно представилась и даже пожала незнакомке руку. Она была гипербобщительна и стремилась завести как можно больше полезных знакомств. Правда, я не уверена, что знакомство со Снежной королевой можно было считать полезным, потому что в ответ на радушное рукопожатие она с милой улыбкой произнесла:

– Не думаю, что у тебя есть шанс. Ты тяжеловата в кости.

Улыбка сползла с Лизкиного лица. А Николь повернулась ко мне и смерила меня снисходительно-презрительным взглядом.

– А ты слишком худая.

Рядом находились и другие девушки из нашей пятерки, и всем им вредная мадемуазель с красивым именем Николь незамедлительно поставила соответствующий «диагноз»:

– У тебя большой нос. Не нос, а руль. С таким носярой в модельном бизнесе делать нечего. Мне ты можешь поверить, работаю уже два года. А ты, красавица, сперва избавилась бы от целлюлита. Могу посоветовать хороший крем, им пользуется моя бабушка. У нее тоже такие проблемы.

Все это было сказано с таким спокойствием и такой доброжелательной улыбкой, что я растерялась. Другие девушки тоже не знали, как реагировать на эти непрошенные «комплименты». Та, у которой, по словам Николь, был слишком

большой нос (надо сказать, он и правда был великоват – Снежная королева умела метко замечать чужие недостатки), растерялась больше всех. Она ничего не ответила, но глаза у нее заблестели от слез. Бойчее других оказалась Лизка, она смело шагнула вперед и заявила:

– А ты... а ты... да ты сама...

Но закончить фразу ей не удалось. Во-первых, у насмешливо улыбающейся Николь Самыкиной явных недостатков не было. А во-вторых, нас вдруг позвали на сцену.

– Страшновата, – нахмурился немолодой брюнет в тонких очках с золотой оправой, представитель нью-йоркского модельного агентства, – какой-то задохлик, а не модель.

– Но ей всего четырнадцать, – возразила пухлая блондинка лет сорока пяти в обтягивающем леопардовом платье, главный редактор проводившего конкурс журнала, – она еще оформится, а личико хорошее.

– Да какое там личико, страх один, – неприятно усмехнулся загорелый тип с окладистой седой бородой. Я знала, что это модный фотограф.

– Да нет, с личиком-то тут как раз все в порядке, – заявила вертлявая девица с нервным, но довольно красивым лицом. Несколько лет назад она считалась самой преуспевающей русской моделью, и ее пригласили в жюри конкурса для рекламы, – а вот ноги кривоваты. Жалко...

Обсуждали они, увы, меня. Мое присутствие почему-то в

расчет не принималось. Может быть, они решили, что я туговата на ухо и не слышу, какими эпитетами награждают они мою внешность? Но мне-то еще повезло. Девушке, которая подошла к столу жюри до меня, большеносой Анне, сказали, что она похожа на Жерара Депардье, и велели убираться вон и не смешить людей. Женское семнадцатилетнее воплощение великого французского актера в слезах отчаяния убежало из зала, несчастное, жалкое, обремененное неизлечимыми комплексами. Зато зловредную Николь Самыкину жюри оценило высоко – о ней не было сказано ни одного бранного слова, из чего все мы сделали вывод, что Снежная королева выходит в финал. Ну а третьей к столу подошла я, и колени мои подгибались от страха.

– А почему вы вообще решили стать фотомodelью? – обратилась ко мне главный редактор.

Я растерялась. Не говорить же им, что от скуки. Нет, я понимала, что должна изречь что-нибудь значительное.

– Красота спасет мир, – ляпнула я.

Бородатый фотограф брезгливо поморщился, бывшая моделька хмыкнула, президент модельного агентства зевнул и отвернулся, а редакторша, нахмурившись, продолжала смотреть на меня. Я поняла, что не попала в точку. Скорее наоборот.

– Красота спасет мир, но я-то не очень красива, – вдохновенно продолжила я, краем глаза отметив, что на их лицах наконец-то появилась некоторая заинтересованность, –

в моем классе есть одна красавица, и никто ее не любит. Ей завидуют. А модель должны любить, иначе она никогда не станет популярной. Вот. Я не красавица, но лицо у меня правильное. Так все говорят. Я и подумала... – Внезапно у меня сел голос, и я закашлялась.

Редакторша рассмеялась:

– А что, остроумный ответ. Не так плохо для четырнадцати лет. Ладно, ступайте, Николаева, и ждите результатов в гримерке.

На подгибающихся ногах я покинула сцену, подмигнув на прощание Лизке, которой предстояло отправиться на строгий суд жюри сразу после меня.

Ждать пришлось долго – четыре с половиной часа. Кого-то из девушек жюри отпускало сразу же, кого-то – долго расспрашивало. Лиза была недовольна – ей сказали, что для модели она полновата и похудеть ей надо как минимум на пять килограммов.

– Пять кило, ужас! – возмущалась она. – От груди вообще ничего не останется!

– Не худей, – с равнодушием усталого человека посоветовала я.

– Спятила? – взвилась Лизка. – А как же Нью-Йорк?!

– Ты и правда веришь, что можешь туда попасть?

– Чем черт не шутит, – помолчав, вздохнула она.

Лизка была не единственной разочарованной и взнервленной красавицей в гримерной. Нервничали почти все де-

вушки. Одна Снежная королева Николь оставалась спокойной, как будто бы ей заранее были известны результаты отбора, причем результаты для нее положительные. Кто знает, может быть, так оно и было – за многочасовое общение с моделями я узнала много интересного, например о том, что призовые места на конкурсах красоты продаются и покупаются. Может быть, кто-то уже купил вождеденный титул и для Николь?

Наконец в гримерной появилась раскрасневшаяся Лена Штиль.

– Девочки, внимание сюда! Я могу назвать фамилии финалисток! Николь Самыкина... – Лена закашлялась, и нам пришлось ждать несколько минут, пока она прочистит горло. Все это время Николь, некоронованная Снежная королева, улыбалась нам – победно и снисходительно.

Наконец Лена снова заговорила. Она читала фамилии, обладательницы которых принимались радостно визжать, бросаться друг другу на шею и оставлять на побледневших от волнения лицах новых подружек сочные отпечатки губной помады. Когда число фамилий перевалило за десять, я немного приуныла. Лизка тоже. Нет, я не расстроилась, просто вдруг как-то обидно стало – я потратила целый день на то, чтобы кучка самодовольных хамов признала меня профнепригодной.

И тут случилось чудо.

– Анастасия Николаева, Елизавета Семчук, – сказала Ле-

на и, помолчав, добавила: – Это все.

Мы с Лизкой переглянулись. Кажется, я недоверчиво хохотнула, а она обхватила мою шею руками и крепко-крепко ко мне прижалась, как будто бы я была рок-кумиром, а Лизка – моей давнишней и преданной поклонницей.

– Настя! Да это же просто невероятно! – Она прямо-таки захлебывалась от счастья.

– Да, – подтвердила я.

Я тоже была довольна и даже горда тем, что мой угловатый стан вдруг непостижимым образом вписался в рамки привлекательности. Но особенного энтузиазма по поводу своего модельного будущего я не испытывала. Я знала, что родители никогда, никогда, НИКОГДА не позволят мне зарабатывать на жизнь, разгуливая по подиуму и позируя фотокамерам.

– Ну как библиотека? – доброжелательно поинтересовалась мама за ужином.

– Здорово, – с набитым ртом ответила я, – мне понравилось.

– Что же ты читала? – поинтересовался отец. Он недоверчиво смотрел на меня – знали бы вы, чего мне стоило выдерживать этот взгляд.

Хорошо еще, что я заранее подготовила ответы на эти простейшие и предсказуемые вопросы.

– Сначала мемуары фрейлины двора Александра Третьего. Мне же придется сдавать историю, – я и правда однажды

видела эту книгу в районной библиотеке и даже от скуки повертела ее в руках, – потом переключилась на историю открытия Америки.

Родители, умильно улыбнувшись, переглянулись. Я видела, что они мною гордятся, и почему-то мне было приятно, даже в свете того, что на самом деле я их подло обманула.

– А еще я познакомилась там с классной девчонкой, – мне нужно было алиби на случай, если позвонит Лизка, – ее зовут Лиза, она на год старше меня.

– Она тоже собирается поступать в МГУ?

Кстати, об этом я как-то забыла у нее поинтересоваться. Надо же, я провела в Лизкином обществе почти целый день и даже не выяснила, учится ли она. Может быть, бросила школу после девятого класса? Или собирается осенью вернуться в Волгоград и доучиваться?

– Да, – вздохнула я, – она еще точно не решила, но, наверное, да.

– А на какой факультет?

– Может быть, тоже на географический, – ляпнула я.

– Это хорошо, – одобрила мама, – хоть одна нормальная подружка у тебя появилась. Если хочешь, можешь пригласить ее в гости.

– Но Настя наказана, – строго напомнил отец.

– Ну сколько можно? – вступилась за меня мама. – И так ребенок все лето просидел дома. Я не говорю, что она должна резко бросить заниматься, но можно иногда и расслабить-

ся. Тем более если у нее появилась такая положительная подруга.

Я вспомнила проколотый Лизкин пупок и едва не подавилась чаем. Что ж, надеюсь, у моих родителей хватит ума и такта не вступать с Лизаветой в телефонный разговор. Если она, конечно, мне вообще позвонит. Наверное, отныне мне придется нестись к телефону наперегонки с отцом, едва заслышав трель звонка. А что вы хотите – быть обманщицей совсем непросто.

На следующей неделе меня впервые пригласили в фотостудию. Пришлось опять соврать родителям, что мне срочно понадобилось в библиотеку. «В прошлый раз мне попала такая интересная книга об Австралии, так не терпится ее прочитать!» – запричитала я. За что была награждена понимающей родительской улыбкой – они были счастливы, что дочь наконец взялась за ум.

А блудная дочь тем временем и впрямь взялась – за голову.

– Взбей руками волосы! – кричал экспрессивный фотограф. – Да! Да! Есть! О! Все супер! Супер, Наташа!

Все и правда было супер, за исключением того, что зовут меня Настей, впрочем, фотографу было на это наплевать, и я его прекрасно понимала. Затянутая у него получилась фотосессия – двадцать взволнованных девиц, которые и позировать-то толком не умеют. И каждой надо сделать впечат-

ляющий портрет – фотографии эти потом появятся на страничках журнала. Я старалась об этом не думать, потому что именно тогда и раскроется мой обман, ведь мама моя тоже регулярно почитывает этот журнал.

Всем нам сделали легкий макияж в стиле «как хороша я без косметики». Наверное, непрофессионал и не понял бы, что над моим лицом полчаса работали два визажиста, незнакомому человеку я показалась бы чисто умытой. Но я-то видела, что лицо мое изменилось, да так сильно, словно над ним потрудился талантливый пластический хирург. Глаза казались более выразительными, нос значительно тоньше, а губы, напротив, приобрели негритянскую припухлость.

Впервые в жизни я почувствовала себя красоткой. Нет, честное слово, глаз от зеркала отвести не могла. Неужели это я?! Я?!?!?!?

Конечно, мое самолюбие заметно пострадало, когда из кресла визажиста поднялась Лизка. Стоило только взглянуть на нас обеих, чтобы понять: она, Лизавета, – принцесса, в то время как я – просто смазливая фрейлина.

– Лизка... Какая ты!

– Да ладно, – отмахнулась она, хотя было видно, что ей приятно.

Тут откуда-то сбоку раздался до боли знакомый насмешливый голос:

– Только вот щеки полноваты.

Я обернулась, прямо перед нами стояла Снежная короле-

ва – Николь. Впервые я видела ее в макияже, и, надо сказать, внешность ее производила впечатление. У нее было запоминающееся лицо – впоследствии многие будут говорить ей, что она даже чересчур красива для фотомодели. Модель должна быть немного никакой, чтобы на нее можно было примерить любой образ. Бледное и строгое же лицо Николь врезалось в память с первого раза, забыть такую женщину не представлялось возможным.

– Послушай, а почему ты так говоришь? – спросила я. – Ты же прекрасно знаешь, что у нее нормальные щеки, даже красивые.

– Я знаю, что они полноваты. – Хмыкнув, Николь отвернулась и переключила свое царственное внимание на другую жертву. – Ну у тебя и шея!

– А что такое с моей шеей? – удивилась симпатичная девятнадцатилетняя участница конкурса, еще незнакомая с манерами нашей Снежной королевы.

– Надо же, ты такая молодая, а шея уже морщинистая, – охотно «просветила» ее Николь.

– Правда? – расстроилась девушка, которая явно не знала, каковы законы выживания в серпентарии. Я заметила, что на ее глаза навернулись слезы. Еще минутка – и тушь потечет, все старания визажистки насмарку. Что ж, зато хотя бы понятно, чего добивается эта стерва – Николь ведь привязывалась не ко всем конкурсанткам, а только к тем, кого считала соперницами. Ей хотелось вытеснить с игрового поля силь-

нейших.

Я отвернулась. Хорошо все-таки быть незаинтересованным лицом. Для большинства девчонок этот злополучный конкурс был делом жизни и смерти.

Хотя и сама я на этот раз чувствовала себя по-другому. На кастинге в клубе я не верила в то, что у меня может что-то получиться. Мне казалось, раз меня выбрали в числе ста пятидесяти девушек из тысяч фотографий, значит, это уже хорошо! А теперь, когда перед глазами настойчиво маячила возможная победа, а вместе с ней контракт на крупную сумму денег и поездка в Нью-Йорк... Я подумала: а может быть, это не просто развлечение, может быть, это единственный шанс, который благосклонно подкинула мне судьба? Ведь и ежу понятно, что ни на какой географический факультет мне никогда в жизни не поступить. И что же я буду делать после школы? Секретаршей работать?! А здесь такая возможность покрутиться хотя бы на задворках красивой жизни. Жизни, которую в ином случае мне довелось бы видеть только в кино.

Да еще и Лизка меня постоянно подзуживала.

– Знаешь, сколько манекенщица получает в Америке? – спрашивала она.

– Нет.

– Иногда – десять тысяч долларов за показ.

– А в России? – Я тщетно пыталась спуститься с нарисованных Лизой небес на реальную землю. С каждой минутой

это становилось все сложнее и сложнее.

– В России меньше, – вздохнула Лизка, – в Москве – долларов пятьдесят. Ну если ты звезда, то, может быть, и сто. Но все равно неплохо на первое время...

Я соглашалась, что это и правда было неплохо. Честно говоря, моя финансовая ситуация была плачевной. Родители мои отнюдь не бедствовали, но почему-то упорно продолжали считать меня девочкой-подростком, которому если и нужны карманные деньги, то только на мороженое. А ведь мне было уже четырнадцать, у меня уже и грудь развиваться начала! Мне хотелось иметь губную помаду и тушь для ресниц, мне хотелось новые джинсы в обтяжку и платье с короткой юбкой клеш. По сравнению с той же Лизкой я выглядела как оборванка. На ней были черные брючки и стильная розовая маечка, а я разгуливала по Москве в сарафане, перешитом из маминого старого платья. Вот бы мне и правда предложили поучаствовать в каком-нибудь показе мод и заплатили бы за это сто долларов! Тогда я купила бы светлые джинсы и босоножки на каблуках. И крошечную бисерную сумочку, и...

– Настя? Мне надо с тобой поговорить. – Передо мной стояла Лена Штиль, ассистент отдела моды журнала.

– Да, конечно, – улынулась я.

Вслед за ней я вышла из студии.

– Куришь? – Лена протянула мне открытую пачку сигарет.

Сначала я хотела взять одну, чтобы выглядеть более значительной и взрослой. Но потом подумала: вряд ли надрыв-

ный кашель и покрасневшие глаза смогут придать моему образу веса, курить-то я не умею. Поэтому пришлось честно ответить, что я не курю.

– Это хорошо, – обрадовалась Лена, – тебе всего четырнадцать, да?

Я кивнула.

– Знаешь, Настя, не буду скрывать, что у тебя есть большие шансы на победу в нашем конкурсе.

Мое сердце забилося сильнее.

– У меня? – недоверчиво переспросила я.

– Именно у тебя, – улыбнулась Лена.

– Но мне показалось, что не очень-то я и понравилась жюри... Они сказали, что у меня кривые ноги.

– Они всем так говорят, ты привыкнешь. Ты здесь самая молоденькая. И потом, такой рост. Сколько в тебе, метр восемьдесят?

– Метр восемьдесят два.

– Ну вот видишь. – Она потрепала меня по плечу, на уровне которого находилась ее голова, – лучший рост для суперзвезды подиума. А ведь ты еще вырастешь. И лицо хорошее – очень модный типаж. Ты чем-то похожа на Стеллу Теннант.

– Кто это?

– Английская супермодель из аристократической семьи. Стыдно такого не знать. Но ей уже за двадцать, и миру нужна новая Стелла Теннант.

– Ну... Спасибо, что вы так считаете.

– Настя, ты же понимаешь, что я тебя вызвала не для того, чтобы делать комплименты. – Ленин голос посуровел. – Ты понимаешь, что раскрутка нового лица, новой модели стоит денег.

– Понимаю, – эхом повторила я.

– Компания «Дрим-косметикс» платит эти деньги. Победительница быстро прославится, за это отвечают специально обученные люди. Но, естественно, никто не будет вкладывать деньги в человека, который сам не знает, чего он хочет.

– Вы о чем?

– Ты знаешь о чем, ты же не дуручка, – мягко улыбнулась Лена, – я наблюдала за тобой на первом кастинге и сегодня. Настя, ты очень странная девушка, тебе как будто бы все равно, пройдешь ты или нет. Скажи мне честно, ты *хочешь* работать моделью?

– Хочу, – неуверенно подтвердила я.

– Нет, ты не поняла. Настоящего успеха в этой области может добиться только человек, который не просто хочет работать, а страстно мечтает об этом! В тебе же я этой страсти не вижу.

– Просто как-то неожиданно все получилось, – вяло оправдывалась я, – сначала мне действительно было все равно. Я просто хотела развеяться. Но когда я попала сюда, поняла, что это меня интересует. Из меня и правда могла бы получиться модель... Правда, я этого хочу!

– Настя, скажи, а твои родители знают о том, что ты участ-

вуешь в конкурсе? – вдруг спросила Лена.

Я опустила глаза.

– Нет. Боюсь, если они узнают, то запретят мне... Но вы же им не скажете? – Я с надеждой взглянула на нее.

Лена расхохоталась – смех у нее был, как и у большинства курильщиков, грубоватый. Смеясь, она почему-то выглядела старше. Странно, я-то всегда думала, что хорошее настроение молодит.

– Ты еще совсем ребенок, Настенька! Если твои родители не подпишут специальную форму, то мы не сможем задействовать тебя в конкурсе.

– Они ее никогда не подпишут, – тихо сказала я, с удивлением почувствовав, как на глаза наворачиваются слезы.

– Эй, только не надо плакать, а то тушь потечет, и тебя выгонят. Знаешь, до финала еще две недели. Что, если я попробую поговорить с твоей семьей?

Я пожала плечами:

– Это бесполезно. Мне кажется.

– И все-таки попробовать можно. В анкете, которую ты заполнила, есть твой домашний телефон. Я позвоню.

– Ну не знаю даже, – засомневалась я, – может быть, лучше я попрошу родителей подъехать в редакцию журнала? Моя мама его постоянно читает, это будет выглядеть более убедительно. А я смогла бы соврать, что после конкурса собираюсь заняться журналистикой.

– Нет, так не пойдет, – покачала кудрявой головой Лена, –

врать мы больше никому не будем. А с родителями приду-
маем что-нибудь. – Лена улыбнулась. – И еще одно. Никому
не говори о нашем разговоре. Надеюсь, ты умеешь хранить
секреты?

... – Что она от тебя хотела? – набросилась на меня Лиз-
ка, как только я вернулась в студию. Я заметила, что дру-
гие девушки, стараясь не привлекать к себе внимания, тоже
прислушиваются к нашему разговору. Видимо, мой корот-
кий разговор тет-а-тет с распорядительницей конкурса дал
повод многочисленным сплетням.

– Да ничего особенного... – Я отвела взгляд. Черт, надо бы
мне взять у кого-нибудь пару уроков художественного вра-
нья. Никогда не умела притворяться, а похоже, без этого на-
выка в профессии модели делать нечего.

– И все-таки? – напирала Лиза.

– Она сказала, что у меня во время съемки лицо камен-
ное, – нашлась я, – сказала, чтобы я была более эмоциональ-
ной.

– Да? – недоверчиво протянула Лизка. – А по-моему, нор-
мальное у тебя лицо. Ты знаешь, что с завтрашнего дня у нас
начинаются репетиции дефиле? И еще завтра примерка ве-
черних платьев.

– Каких платьев?

– На конкурсе у нас будет три выхода, – терпеливо объяс-
нила она, – сначала в купальниках, потом в спортивной фор-
ме, а потом в вечерних платьях. Потом нам объявят победи-

тельниц, и все разойдутся.

– Разве они смогут так быстро определить, кто лучшая? – удивилась я.

– Ну ты и наивняк! – хохотнула Лизка. – Да они же будут наблюдать за нами на репетициях! У них будут наши фотографии! На таких конкурсах все решается заранее.

Внезапно я обратила внимание на Николь, которая стояла за Лизкиной спиной и внимательно прислушивалась к нашему разговору. Из нее, наверное, получилась бы вторая Мата Хари: при ее исполинском росте Николь довольно долгое время удавалось оставаться незамеченной. А может быть, все дело было не в блестящих шпионских качествах Снежной королевы, а в том, что в суете и тесноте мы старались не обращать внимания на других людей.

– Вот именно, все решается заранее. – На перламутровых губах Николь заиграла неприятная змеиная улыбочка. – Вернее, уже решено. Иначе с чего это нашу дылду Настю вызывали в коридор?

Я сделала вид, что мне наплевать на ее предположения. Хотя не скажу, что мне было очень приятно видеть сузившиеся Лизкины глаза и обращенные ко мне любопытные взгляды других девушек.

– У нас появилась фаворитка, товарищи! – Николь похлопала в ладоши. – Давайте все вместе поприветствуем победительницу!

Никто ее не поддержал.

– Думай, что говоришь, дура! – выпалила я, но Снежная королева не обиделась, а, наоборот, судя по всему, развеселилась.

– Я и думаю, – спокойно сказала она, – я про тебя много чего знаю.

И, многозначительно улыбнувшись, Николь отошла к зеркалу – поправить макияж.

– Что это значит? – насупилась Лизка. – Что она несет?

– Не обращай внимания. Ты что, тоже считаешь, что я блатная?

– Да вроде не похожа... Ладно, оставим эту тему. Сегодня пятница, хочешь, пойдем с нами на дискотеку в ночной клуб?

– С тобой и твоим братом? – оживилась я. – Очень хочу. Но не могу. Родители меня ни за что не отпустят.

– А ты скажи, что у меня ночуешь! – предложила она.

– Посмотрим... – неуверенно протянула я.

Кажется, я уже упоминала вскользь, что мне ни разу в жизни не доводилось бывать в ночных клубах. «Айвенго» – не в счет, ведь были мы там днем и никакой развлекательной программы не застали.

Лизка подкрашивала перед зеркалом глаза и время от времени самодовольно подмигивала собственному же отражению, словно находилась с ним в каком-то тайном сговоре. А мне вдруг стало обидно – эта красивая непосредственная девчонка, непоседливая и взбалмошная, как весенний сквоз-

няк, могла бы стать моей подружкой. У меня ведь не было особо близких подруг – а все из-за моего роста. Не так-то просто дружить с теми, кто ниже тебя на две головы. В школе я не пользовалась особенной популярностью, а здесь вдруг выяснилось, что мой рост – это не уродство, а преимущество. Моя жизнь могла бы стать другой – она была бы наполнена совершенно иными людьми и событиями. Но нет, ничего не получится, и все из-за моих родителей, которые, как два безмозглых страуса, прячут голову в песок и не желают видеть жизнь такой, какая она есть.

– Ну так что, пойдешь? Мы собираемся в «Пропаганду», это модный клуб.

И я, сама не ожидая от себя подобной смелости, решительно ответила:

– Пойду! Совру родителям, что иду к тебе ночевать. А ты в крайнем случае подтвердишь по телефону.

– Заметано! – радостно согласилась Лизка.

Лизкин старший брат был чем-то похож на юного Элвиса Пресли, притом звали его Данилой («Можно просто Даня», – сказал он) – и этот диссонанс между внешностью и именем показался мне трогательным. Не могу сказать, что это была любовь с первого взгляда. Но какая-то искорка между нами, безусловно, проскочила. По крайней мере, он произвел на меня сильное впечатление – когда Лизка, подтолкнув меня вперед, сказала: «А вот это моя новая подружка Настя!», мои

ладони вдруг вспотели. Я испугалась: а вдруг он заметит это во время рукопожатия и подумает, что у меня всегда такие липкие руки?

Было ему лет двадцать пять. Высокий, зеленоглазый, с фигурой профессионального атлета.

– Настя, значит. – Усмехнувшись, он старомодно поднес мою потную ручонку к губам. Сначала я подумала, что он просто издевается. Ведь никто из представителей сильного пола никогда *так* на меня не смотрел.

– Ну что, идем, дамы и господа! – засуетилась Лиза, отеснив меня от брата. – А то после одиннадцати будет сложно пройти в клуб, там же фейсконтроль!

– Ничего, с двумя такими красавицами мне везде вход открыт, – сказал Данила, по-прежнему не спуская с меня глаз.

Я почему-то чувствовала себя полной дурой и, чтобы скрыть смущение, принялась энергично рыться в сумочке.

Не буду рассказывать, чего мне стоило отпроситься у родителей на целую ночь. Отец ушел в кухню, театрально хлопнув дверью, мама талантливо разыграла приближающийся сердечный приступ. Полтора часа они совещались по телефону с Лизой – не знаю, о чем можно было столько договариваться. В какой-то момент мне даже показалось, что наша веселая затея находится под угрозой срыва. Лизка могла не выдержать напора моих энергичных родителей и проговориться. Но моя новообретенная подружка держалась стойко, как японский самурай. И в конце концов после тысячи

оговорок («Обязательно позвонишь нам, когда придешь!», «Никаких сигарет!», «Никакого алкоголя!», «Никаких мальчиков!») заветное разрешение было наконец получено.

Правда, осталась одна проблема – у меня не было красивой одежды, такой, в которой можно было бы появиться в ночном клубе. Конечно, имелось вечернее платье, похожее на огромный кремовый торт, – оно сплошь состояло из переливающихся атласных слоев, кружевных нижних юбок и многочисленных бантиков, но что-то подсказывало мне, что такие платья уже давно никто не носит.

В итоге я надела обычные голубые джинсы и старенькую черную футболку – я из нее давно выросла, так что с почтительного расстояния она производила впечатление актуальной обтягивающей маечки. Как ни странно, выглядела я не так уж плохо. «Возьму у Лизки косметику и как следует накрашу глаза!» – удовлетворенно думала я, прощаясь с родителями...

– Значит, ты, Настя, тоже будущая топ-модель? – Данила взял меня под руку.

Лиза тут же пристроилась к нему с другой стороны. Вообще, мне показалось, что она ревнует ко мне собственного брата. Хотя, наверное, я, как всегда, все преувеличиваю.

– Не знаю... – ничего остроумного в голову, как назло, не приходило, – но очень хотелось бы.

Он рассмеялся, будто услышал от меня не банальный ответ, а смешную шутку.

– Лизка вот с детства мечтает стать топ-моделью. – Он толкнул свою сестру в бок, та кокетливо взвизгнула. – Ее любимое занятие – смотреть модные показы и выискивать недостатки во внешности манекенщиц. Клаудия Шиффер у нас на лошадь похожа, у Наоми Кэмпбелл, оказывается, глупый взгляд...

– Он все врет! – весело воскликнула Лизка.

– Надо же, вы совсем не похожи, – сказала я, чтобы хоть как-нибудь поддержать разговор, – а какая у вас разница в возрасте?

– Одиннадцать лет. Но у нас отцы разные. А у тебя есть братья, Настя?

– Нет, я совсем одна.

– Да ну! – улыбнулся Данила. – Никогда не поверю, что такая красотка может быть одинокой.

Понимаю, в его словах не было ничего особенного. Кто-то наверняка скажет: не слишком остроумное грубое заигрывание провинциального донжуана, рассчитанное на неприхотливых серых мышек. Так-то оно так, но ведь мне и такого никогда слышать не приходилось.

– Ну а ты? – спросила я. – Ты чем занимаешься?

– То тем, то этим, – уклончиво ответил Данила.

– Он компьютерщик, – ответила за брата Лиза, – и ничего не понимает в шоу-бизнесе. Так что ты, Настя, не обращай на его слова внимание.

Вяло переговариваясь, мы дошли наконец до дверей

«Пропаганды». Вход караулили два охранника в одинаковой форме. Мне показалось, что они смерили меня весьма подозрительным взглядом. Я даже немного приуныла – а что, если Лизку и Данилу пропустят внутрь, а меня остановят? Вот будет позор!

Но, к счастью, ничего подобного не произошло, и всей нашей компании удалось проникнуть в клуб без особенных проблем.

Внутри было столько народу, что я оробела. Неужели все это – громкая музыка и потная толпа – называется красивой жизнью?

– Кто что будет пить? – весело спросил Данила.

– Мне пинаколаду, – откликнулась Лиза.

Я не знала, что такое пинаколада, но на всякий случай попросила то же самое. Улыбнувшись на прощание, Данила уверенно нырнул в толпу и, лавируя между танцующими людьми, пробрался к стойке бара.

– Ну и как он тебе? – лениво спросила Лизка.

– Твой брат? По-моему, он симпатичный.

– Ты считаешь? – скептически улыбнулась она. – А мне так не кажется. Полный урод.

– Это потому, что ты к нему привыкла. А на самом деле он... особенный. – Я выпалила это и тут же отругала себя за откровенность. Да, мне сразу понравился Данила, но зачем Лизке об этом знать? Вдруг она теперь ему все расскажет?

– Влюбилась, что ли? – рассмеялась она. – Настька! Ты

красная. Как помидор!

– Это потому что здесь жарко, – оправдалась я.

– А ты когда-нибудь влюблялась? – не отставала настырная Лизвета.

– Нет. Не в кого было.

– Странно. Хочешь сказать, что ты девственница?

– Почему мы вообще это обсуждаем? – возмутилась я. –

А ты?

– Я такая же девственница, как ты топ-модель, – расхохоталась она.

Нарочито грубый смех свидетельствовал о том, что Лиза хочет казаться более порочной, чем она есть на самом деле.

– Первый мужчина у меня был в двенадцать лет.

– В двенадцать лет я еще в куклы играла.

Я резко замолчала, потому что к нам приблизился Данила. В каждой руке он держал по бокалу с густым белым коктейлем вполне невинного вида. Я осторожно попробовала. Он меня не разочаровал – сладкий привкус тропических фруктов замечательно сочетался с густыми взбитыми сливками, алкоголь почти не чувствовался.

– О чем вы тут разговаривали? – спросил Данила.

– Тебя обсуждали, – невозмутимо отозвалась Лизка. – Настя призналась, что она к тебе равнодушна.

Я закашлялась и забрызгала джинсы коктейлем. Данила довольно расхохотался и протянул мне бумажную салфетку.

– Не обращай внимания на Лизку, она еще и не такое мо-

жет сболтнуть, – посоветовал он.

– Она пошутила, – выдавила я.

– Хочешь сказать, что я тебе совсем не нравлюсь? Черт. – Он двумя пальцами взял меня за подбородок и посмотрел мне в глаза.

– Ладно, я пойду танцевать, а вы тут воркуйте, – выпалила Лизка.

Мне показалось, что она чем-то недовольна. Уж слишком нервной и неестественной была ее улыбка, слишком быстро растворилась она в толпе.

– Что с ней?

– Да ну ее, – небрежно махнул рукой Данила, – Лизка с детства нервной была. У нее настроение каждые пять минут меняется.

– Да? Странно, я не заметила. Она мне показалась такой спокойной. Целеустремленной. Не то что я.

– Ничего, ты ее еще узнаешь, – криво усмехнулся Лизкин брат. – Слушай, тебе не жарко?

– Душно, – призналась я.

– Может, пойдем на улице постоим?

– А нас обратно пустят? – Я с сомнением покосилась в сторону выхода. У дверей клуба успела собраться внушительная толпа.

– Не волнуйся, с тобой настоящий мужчина. – Данила приобнял меня за плечи и увлек за собой.

...Та ночь была жаркой и влажной – создавалось впечат-

ление, что мы находимся не в каменной нише оживленного города, а на морском берегу. Даже у теплого сквозняка был почему-то тонкий запах моря. А может быть, все дело в туалетной воде, которой пользовался Данила.

– Ты мне телефончик-то свой оставишь? – с нарочитой небрежностью поинтересовался он.

Я нацарапала семь цифр на старом троллейбусном биле-тике, который нашелся в кармане моих джинсов.

– Прелесть какая, – умилился Даня, – супермодель, кото-рая ездит на общественном транспорте.

Я неуверенно улыбнулась. В свои четырнадцать лет я еще не успела постичь непростое искусство кокетства. Я понима-ла, что он говорит не всерьез, но не могла придумать достой-ный ответ. Хорошо еще, что мою улыбку называют необыч-ной и загадочной. Лена Штиль так и сказала мне: «У тебя, Настенька, пронзительная улыбка. С такой мимикой далеко пойти можно!»

– Ты мне нравишься. – Рука Данилы вспорхнула к моим волосам. Его ладонь была сухой и горячей – по моей коже пробежала волна мурашек. – Даже не знаю, что с тобой де-лать. Ты ведь маленькая еще.

– Не такая уж и маленькая, – осмелела я, шагнув вперед, – всего на год младше твоей сестры.

– Моей сестры... – насмешливо повторил Данила, – да, выглядишь ты взрослой... Достаточно взрослой для поцелуя.

...Вопреки предсказаниям Данилы Лизкино настроение

не улучшилось – она была немногословна и мрачна. Вообще-то я ее понимала – ведь мы бросили ее в клубе одну. Но любовь эгоистична, особенно если речь идет о первой любви. В душный клуб возвращаться не хотелось, и мы с Данилой гуляли по тихим переулочкам и камерным дворикам московского центра, пока не начало светать. Только все вокруг окрасилось в бледно-синие тона, я вдруг спохватилась:

– Лизка! Она же там одна осталась, наверное, волнуется!

И зажала ладошкой распухший от поцелуев рот.

– Ничего страшного, она поймет, – усмехнулся Данила, – не думаю, что ей скучно. Тем более что мой кошелек остался у нее.

Но подруга не пожелала проявить понимание. Она отозвала Данилу в сторону и долго беседовала с ним на повышенных тонах. А я стояла в сторонке, сгорая от стыда. Не люблю, когда из-за меня кто-то ссорится.

Наконец Лизка подошла ко мне и вяло улыбнулась:

– Ладно, ночная гулена. Ты-то здесь, конечно, ни при чем.

– Извини, – пробормотала я.

– Иди уж. Давай мы поймем тебе такси.

За ее спиной Данила жестами изображал процесс набирания телефонного номера. Я поняла, что это он так обещает мне позвонить, и улыбнулась.

Дома я появилась в половине шестого утра.

На пороге квартиры меня встретили мрачные родители.

– Ты нам врала, – хмуро сказала мама, вместо того чтобы

просто пожелать мне доброго утра, – врала с самого начала.

– Что случилось? – Я прятала глаза, не понимая, что именно они имеют в виду. Ведь в последнее время я врала им много. Можно сказать, по каждому поводу врала.

– Как только ты ушла, нам позвонила женщина, Лена Штиль.

Больше всего на свете мне захотелось пронзительно выругаться. Но невероятным усилием воли я сдержалась и промолчала.

– Почему ты ничего нам не рассказала, Настя? – тихо спросил отец.

– Потому что... Потому что я думала, что вы не поймете, – почти прошептала я, глядя в пол.

– Не пойдем? Значит, ты сама знаешь, что речь идет о чем-то неприличном?

– Ну почему сразу неприличном? – вскинулась я. – Почему вы вечно пытаетесь меня дрессировать?! Это обычный конкурс моделей, ничего преступного в нем нет! И мне там интересно, понятно вам? Почему я вечно должна перед вами отчитываться?!

Они удивленно молчали. Наверное, впервые я осмелилась оказать им сопротивление. Пусть это и были просто слова неуверенной в себе, измученной подозрениями четырнадцатилетней сопливой девчонки.

– Эта Лена вообще произвела на меня хорошее впечатление, – наконец сказала мама.

Я удивленно подняла на нее глаза.

– Но если бы ты сказала все с самого начала...

– Что значит «если бы»?! – повысил голос отец. – Я думаю, ее надо запереть в комнате и вообще из дома не выпускать!

У меня задрожала нижняя губа. Какая несправедливость. Почему у меня такие родители? Почему у меня нет такого старшего брата, как Данила?

– Что значит «запереть»? – прошипела мама. – Она что, домашнее животное?

– Замолчи. Непедагогично говорить такое при ребенке.

– Я не ребенок, – тоненько пискнула я.

– Настя, иди в свою комнату, – устало приказала мама, – мы с тобой еще поговорим.

Подготовка к конкурсу шла полным ходом. Не буду говорить, чего мне стоило убедить родителей в невинном характере этого мероприятия. Хотя скорее это была не моя заслуга. Спасибо Лене Штиль, которая не поленилась приехать к нам в гости и три часа с ними проговорить. Правда, отец так и не сдался, но мама настояла на своем – у взрослого ребенка (то есть у меня) должно быть маленькое хобби.

Три раза в неделю все участницы собирались в здании старого Дома культуры, который был арендован специально для репетиций. Там, на пропылившейся дощатой сцене, я и сделала свои первые шаги – первые шаги походкой от бедра.

Дефилировать по подиуму нас учил колоритный индивид

по имени Жорик. У него недоставало одного переднего зуба, из-за чего ему плохо удавалось выговаривать букву «с». К нам он обращался так: «Краш-шавицы! Вштали, поштроились – и вперед!» Сначала мы перехихикивались за его спиной, потом привыкли.

Мы быстро сдружились. В таком возрасте все происходит быстро. В нашем коллективе даже существовала своя иерархия – высшие ступени занимали девочки, которые, по мнению большинства, могли попасть в финал. В самом низу находилась некая Катя из Самары, лицо которой было усеяно крошечными алыми прыщиками – никто понять не мог, что она вообще тут делает. Ну а на самом верху, где-то в Поднебесье, парила, как ни странно, наша «штатная хамка», Снежная королева с красивым именем Николь, которую все мы и ненавидели, и побаивались, и даже немного уважали. Ненавидели за умение больно жалить без предупреждения, сохраняя при этом бесстрастный взгляд и льдинки в глазах. Уважали за жесткость характера и ту ауру принцессы, которую она умела вокруг себя создавать: когда Николь передвигалась по залу, все головы поворачивались ей вслед. Она чувствовала, что все мы за ней исподтишка наблюдаем, и за это, казалось, презирала нас еще больше.

Никто не сомневался, что для Николь не будет большой проблемой урвать от жизни самый жирный и вкусный кусок. Об этом свидетельствовало уже то обстоятельство, что ей удалось просочиться на конкурс – ведь к тому времени

ей почти стукнуло двадцать. В предпенсионном для модели возрасте эта отчаянная девица решила начать карьеру манекенщицы.

Хотя вполне вероятно, что за ее участие кто-то заплатил. Николь явно принадлежала к другому социальному кругу – на репетиции она приезжала в серебристом авто, каждый раз появлялась в умопомрачительном новом наряде. Николь любила яркий педикюр – каждый ноготок ее аккуратных пальчиков был то расписан под хохлому, то обклеен искусственными бриллиантами, из чего можно было сделать вывод, что она посещала салон красоты как минимум дважды в неделю.

До общения с нами она снисходила лишь изредка и главным образом для того, чтобы произвести на свет очередную обидную колкость.

Да и кто мы были для нее? Четырнадцатилетние девчонки, которые даже не могли четко сформулировать, о чем мечтаем, для которых словосочетания «модельный бизнес» и «темный лес» были в некотором роде синонимами. Тонконогая Лариска из Ярославля, лицо которой не покидало испуганное выражение – как будто бы в глубоком детстве она увидела привидение и до сих пор опомниться не может. Верочка из Луги, которая от волнения начинала заикаться и говорить тонким «мультикшным» голоском. Ольга из Калуги, заливавшаяся краской каждый раз, услышав слово «эпилятор». Мы долго не могли понять, в чем дело, но потом все же выяснили: Олечка искренне считала, что предмет этот

предназначен для сексуальных садистов и продается в расплодившихся по всей России интим-магазинах. Молчаливая Тамарка с косою до колена – из нее и «привет» не вытянешь. Строптивая Лизка, моя единственная подружка, которая, надев каблуки, становилась похожей на вышагивающую по болоту важную цаплю. И я, вообще с трудом понимающая, что вокруг происходит.

Изначально все мы были равны (Николь не в счет) – по сцене передвигались, как коровы на роликах, вместо производства сверкающих голливудских улыбок бездарно гримасничали. Но прошло две недели, и у нас появились свои лидеры, «звезды», которым все удавалось лучше, чем остальным.

Быстрее всех модельные премудрости освоили толстокосая молчунья Тамара и Лизка. Когда они шли (вернее, плыли, важно неся впереди себя свою молодость, исключительность и откорректированную гримером красоту) по сцене, преподаватель дефиле Жорик восхищенно шепелявил: «Краш-шавицы! Какие краш-шавицы!» Всем прочим он присвоил более скромный эпитет – кобылы. Я, увы, относилась к кобылам и сама на себя за это обижалась.

Я ведь старалась, выкладывалась на все сто. Но оказалось, что походка от бедра – это не так-то и просто. Вот вроде бы ничего сверхъестественного в этом нет – иди себе и иди, время от времени улыбайся, не забудь втянуть живот и ни в коем случае не сутулься. Но нет – то шаг у меня получался слишком широким, то под светом прожектора я начинала шурить

глаза.

Отдельная история с шубами. Предполагалось, что на конкурсе мы будем выходить на сцену в разных нарядах, в том числе и в шубах. Мы пройдемся по подиуму роскошными зимними принцессами, а потом небрежно сбросим шубы и останемся в вечерних платьях. Но легко сказать – небрежно сбросим. Освоению процесса небрежного сбрасывания шуб мы посвятили три репетиции подряд. Жорик учил нас правильно их расстегивать. Правильно – это чтобы не бросалось в глаза. Модель идет по сцене, поворачивается, потом опять идет и опять поворачивается. В те моменты, когда она оказывается к зрителям спиной, ее руки работают с удвоенной скоростью – с пуговичками воюют.

На сцене я воевала с пуговицами, а дома – с родителями.

Иногда мне казалось, что они готовы опять запереть меня в четырех стенах с бессмысленным учебником английского – унылым спутником моего безрадостного лета. И аргумент, которым снабдила меня Лена Штиль, – мол, каждая девушка должна уметь красиво перемещаться в пространстве – больше не действовал на маму, как волшебная дудочка на скалочную крысу.

Приближалось первое сентября.

– А как же школа? – возмущалась мама. – Ты что, будешь пропускать занятия?!

– Нет. Мы репетируем по вечерам.

– А уроки делать когда? – Отец тоже был заядлым спорщиком и никогда не пропускал свою партию в назревающем скандале.

– Вы же сами разрешили, – угрюмо оправдывалась я.

– Я не подумала о школе! Все эти модельные дела не должны мешать твоей учебе, Настя!

– Да пошла эта учеба, – вполголоса, осмелев, говорила я. Общение с девчонками-моделями, которые пытались быть не по-детски дерзкими, потому что прекрасно понимали: удачу придется вырывать когтями, придало мне сил в извечной войне поколений.

– Как ты разговариваешь с мамой! – выходил из себя отец.

– Оставь ее, – заступалась за меня мама, – может, она и права. Помнишь, что нам сказала эта Лена? Настя может стать звездой.

– А ты и поверила, – ухмылялся отец, – ты на нее посмотри, какая из нее звезда?!

Я отмалчивалась, и родители продолжали ссориться уже без меня. Я знала, что из-за моих модельных походов у них окончательно испортились отношения. Хотя, может, оно и к лучшему. Мне было известно о наличии в записной книжке папиного мобильного телефона некой Леночки, которой он названивал по пятнадцать раз на день. Знала я также, что мама иногда целыми днями пропадает в гостях у своего старинного приятеля дяди Коли, о существовании которого папа даже и не догадывается.

Стараясь не привлечь к себе внимания, я тихонько уходила к себе в комнату, плотно закрывала дверь и приступала к занятиям пресловутым английским. И надо признаться, занималась активно, до седьмого пота, – водружала на голову толстенный англо-русский словарь и ходила взад-вперед. Жорик говорил, что это упражнение полезно для осанки.

Шли дни, а Данила все не объявлялся. Я перестала накидываться на телефон, как голодная собака на мясную косточку. Не могу сказать, чтобы я совсем о нем не вспоминала. Иногда я лениво перебирала перед сном события той ночи, и постепенно в моем воображении довольно тривиальная правда обрастала новыми романтическими деталями. Я не помнила все подробности лица Данилы, в голове остался лишь смутный образ, но сейчас мне казалось, что он похож на актера Киану Ривза, только со светлыми волосами. Себя я представляла красавицей с треугольным личиком и ямочками в уголках губ. И вот постепенно реальное воспоминание превратилось в украшенную невиданными аксессуарами историю.

Спрашивать о нем у Лизки я отчего-то стеснялась. Я была уверена, что моя проницательная подруга, криво усмехнувшись, спросит: «А ты что, в моего брата влюбилась, что ли?» И тогда мне останется только тарашить на нее глаза в наигранном недоумении. Актриса же из меня никудышная.

Сначала была смутная тоска, потом раздражительное

разочарование, а потом – потом я и вовсе перестала думать о Даниле. Но напоследок твердо сказала самой себе: если он все-таки когда-нибудь (ну а вдруг?) позвонит, я сначала долго буду делать вид, что не могу вспомнить, кто это, а после этого холодно скажу, что в нашей встрече нет никакого смысла...

Когда же он и в самом деле позвонил, я узнала его голос сразу по лаконичному «алло». Он не успел ни поздороваться, ни вежливо пригласить к телефону Настю, а я уже перебила его радостным воплем:

– Даня!

– Настя? – неуверенно уточнил он. – Ты меня напугала.

В рейтинге фраз, которые не стоит говорить мужчине, первое место занимает капризная претензия: почему ты так долго не звонил? Мужчина – животное свободолюбивое, и нельзя вот так сразу заявлять на него право собственности, если, конечно, не преследуется желание его спугнуть. Я это знала, несмотря на свой нежный возраст.

Но именно эти, неправильные, слова сами собой сорвались с губ.

Данила удивился и надолго замолчал. Так надолго, что я решила – спугнула все же! – и энергично постучала телефонной трубкой о край стола. Может, все же разъединили?

– Что там у тебя? – мгновенно отреагировал Даня.

– Помехи на линии, – сдавленно соврала я.

– Не звонил, потому что работы много, – послушно оправ-

дался он. – Я решил: зачем тревожить мою красавицу, если у меня все равно нет времени с ней повидаться. Только нервы себе трепать.

С одной стороны, мне польстило определение «моя красавица». Но с другой – объяснение ничуть не успокоило мою подозрительность. Почему нельзя было просто напомнить о себе? Уютно поворковать в трубку десять минут перед сном.

– Зато теперь я свободен как птица! – веселым голосом продолжил он. – И по этому поводу приглашаю тебя поиграть в боулинг. Надеюсь, у тебя нет накладных акриловых ногтей, которые ты там можешь сломать?

– У меня есть акриловый свитер, – пробормотала я.

– Ты прелесть, – усмехнулся Данила. – Так что насчет пятницы?

«Откажусь! – решила я. – Скажу, что в пятницу у меня важные дела. А вот когда он позвонит в следующий раз, можно будет и согласиться!»

– В пятницу? – Я тянула время.

В голове моей лихорадочно бурлили мысли.

«А если не позвонит? Что, если он вообще больше никогда не позвонит?!»

– Да, – нетерпеливо повторил Данила, – я мог бы заехать за тобой. Часиков, скажем, в семь.

– В пятницу я...

«Занята! Занята!» – скандировал внутренний голос.

– ...совершенно свободна!

Нам принесли на примерку вечерние платья. Каждое было упаковано в прозрачный шуршащий пакет. Раскрасневшаяся, довольная Лена Штиль сортировала пакеты по размерам и цветам. Мы роились вокруг, как мотыльки возле керосиновой лампы, – всем хотелось хоть двумя пальчиками помять дорогую нежную ткань. А Лена беззлобно отгоняла нас в сторону.

Пакетов было двадцать пять. А нас, участниц, только двадцать.

– Под занавес пришлют пять блатных, – авторитетно объяснила Николь, – им репетировать не обязательно.

– Как это? – наивно возмутилась я.

– Я слышала, так всегда бывает, – снизошла до меня Снежная королева, – победительницы уже известны. Их победа проплачена. А мы так, массовка.

– Какие глупости, – неуверенно пробормотала я, косясь в сторону лишних пяти пакетов.

Настроение у меня немного упало. А что, если она права? Взрослая опытная Николь лучше всех нас знакома с волчьими законами модельного бизнеса.

Увидев мое вытянувшееся лицо, Николь взбодрилась и даже как будто бы похорошела, во всяком случае, у нее заблестели глаза. Как коварный вампир, она питалась чужими отрицательными эмоциями.

– Да точно тебе говорю. – Николь вяло приподняла угол-

ки губ, что, вероятно, должно было значить улыбку. – Титул – это дорогой ходовой товар. Многие бизнесмены хотят, чтобы их любовницы были королевами красоты. Некоторые конкурсы специально для этого и устраиваются.

Кто-то положил руку мне на плечо; я обернулась и увидела Лизку.

– Одного не понимаю: ты-то чего так радуешься? – коршуном налетела она на Николь. – Или это ты – та самая платная любовница?

Презрительно фыркнув, Снежная королева отошла.

– Не слушай ты ее, – мрачно сказала Лизка, – врет она все.

– Я и не слушаю, – вздохнула я, – но вдруг она права?

– Ну вот, и ты туда же! Это же не конкурс красоты, а конкурс моделей. Профессиональное соревнование. Если бы мы были массовой, то зачем нас собирали сюда по всей стране? Многим иногородним девочкам оплачивают гостиницу, это же дорого. Для массовой они могли нанять и москвичек!

– Да, наверное, ты права, – с сомнением протянула я.

Но не прошло и четверти часа, как правота Лизки была целиком и полностью доказана. Лена Штиль наконец объяснила предназначение лишних платьев.

– Они более шикарные и яркие, чем остальные, – сказала она, поглаживая золотистый подол, – в них появятся на сцене пять финалистов.

Мы молча смотрели на платья. Двадцать Золушкиных бальных нарядов – симпатичных, но простеньких. Серебря-

ные тонкие бретельки, темный шелк разных оттенков – от лилового до густо-черного – струится вдоль тела и доходит почти до щиколоток. То были универсальные платья, они не могли украсить, но и не изуродовали бы любую субтильную фигурку.

И пять королевских туалетов – с жесткими корсетами, расшитыми стразами Сваровски, и пышными газовыми юбками. Золотое, белое, алое, шоколадное и лазоревое. Я сразу запала на лазоревое. Когда Лена эффектно сорвала с него полиэтилен, у меня перехватило дыхание. Неужели, неужели, неужели это чудо может достаться мне?

Мне?!

И я взгляну в зеркало, где отразится надменная принцесса в лазоревом.

Это был особенный момент. Девушки, недавние подружки, смотрели на платья насупившись. Лена невзначай напомнила нам о конкуренции. Все мы прошли через утомительные репетиции, на всех нас покрикивал щербатый Жорик, все мы учились правильно расстегивать шубы и ходить на каблуках, но до финала дойдут только пять человек. Всего пять – из двадцати.

Лизка дернула меня за рукав.

– Умираю, Николаева! – восхищенно прошептала она, не отрывая взгляда от платьев. – Я хочу золотое!

Ее тонко вырезанные ноздри хищно раздувались. Лизавете и правда пойдет самое броское, самое блестящее платье.

Оно подчеркнет и усилит ее немного нахальную красоту.

Ну а мне... Нет, я даже думать боялась о возможной победе. Я суеверно опасалась, что оптимистичные мечты могут помешать их реальному воплощению. И было еще кое-что: раньше для меня не имело значения, выиграю ли я этот конкурс или срежусь на первом туре. Но в тот момент, когда Лена сдернула с платьев чехлы, победа обрела для меня конкретные очертания и нежный лазоревый цвет.

– Девочки, сейчас будем мерить платья, – хлопнула в ладоши Лена, – здесь есть сорок второй и сорок четвертый размеры. Мы же не знаем заранее, кто выйдет в пятерку, поэтому каждая должна выбрать на всякий случай два подходящих платья из пяти.

Лизка сделала резкий бросок вперед и обеими руками вцепилась в золотое. Я даже позавидовала такой наглости и прыти – мне бы хоть толику ее бойцовского пыла, тогда, может быть, я не стояла бы безмолвно в уголке и не слушала бы, как другие девушки вяло ссорятся, распределяя между собою платья. Между прочим, это были первые звоночки, первые скандальчики в нашем пока безоблачном восхождении на модельный Олимп. Я чувствовала, что с этого дня все изменится.

Лена несильно шлепнула Лизку по затылку:

– Руки вымой, балда.

– Мне нравится лазоревое, – вдруг громко объявила Николь, – оно к моим глазам подойдет.

Все расступились, пропуская ее к вожделенному наряду. Девушки несмело тьякали друг на друга, но вступать в перепалку с Николь побаивались – чувствовали, что она все же находится в другой весовой категории.

А глаза у нее, к слову сказать, были самые обыкновенные, серые. У меня и то ярче.

– Мне тоже. – Я сделала шаг вперед.

Мой голос звенел от волнения, я сама испугалась собственной смелости.

– Вы можете обе его примерить, – разрешила Лена.

Но когда она взглянула на меня, что-то изменилось в ее лице. Может быть, она всего лишь заметила мою нервозность и просто пожалела дурочку, которая так много значения придает неважным мелочам. А может быть, уже в тот момент она разглядела в моих глазах ту жестокую твердость, которую много лет спустя мне многие будут вменять в вину, желчно шепча за моей спиной: эта, мол, чтобы добиться своего, пойдет по трупам.

Во всяком случае, Лена сказала:

– Но первой пусть его наденет Настя.

И вот через несколько минут, справившись с застежками и многослойными нижними юбками, я увидела-таки в зеркале девушку, о существовании которой раньше и не подозревала. Лазоревое платье волшебным образом превратило мои недостатки в достоинства. Вдруг выяснилось, что я не высокая, а статная. Не тощая, а хрупкая. Не болезненно-блед-

ная, а с аристократическим цветом лица.

Нет, Насте Николаевой с ее цыплячьими бледными плечиками и затравленным взглядом не светило скалить отбеленные зубы с журнальных обложек. Но вот эта красавица в платье цвета сентябрьского моря вполне могла распусться и в топ-модель.

И я сказала вслух, обращаясь к своей новой второй половинке, которая пока жила только в зеркальной глубине:

– Я хочу выиграть этот чертов конкурс!

Сзади раздалось насмешливое:

– А больше ты ничего не хочешь?

И мне не надо было оборачиваться, чтобы понять, что это злорадничает Снежная королева.

– Хочу, чтобы тебя срезали на выходе в купальниках, – с приветливой улыбкой сказала я, – это бы меня немного развлекло.

Я стояла к ней спиной, но видела ее в зеркале. И с удовлетворением заметила, как перекосилось ее обычно невозмутимое лицо. Ага, я делаю успехи! Мне удалось поддразнить саму Николь Самыкину, возможно, будущую топ-модель и уж точно жабу ядовитую.

Но и я не лыком шита. Я тоже стану моделью под знаком «топ». Во всяком случае, все шансы у меня есть. Я уже отравилась беспечной болтовней девчонок-моделей, которые сплетничали, подражая Николь, главным образом о перспективе поездки в Париж с последующим покорением

оного. Я выглядела ничуть не хуже большинства покорительниц. И на мягкость характера не жаловалась – уже тогда я была уверена, что у меня без труда получится соблюдать режим и диету.

– Тебя это платье толстит, – наконец выдала Николь.

Однако выражение ее лица свидетельствовало о том, что она, напротив, находит меня красивой и сама не верит этому только что сделанному открытию. Я хотела было ответить какой-нибудь меткой хамоватой фразой, но ничего более-менее обидного придумать не смогла. И тогда я просто... улыбнулась. Мы, мол, обе понимаем, что ты заблуждаешься.

И улыбка эта отправила зловредную Николь в нокаут. Помявшись возле меня еще несколько минут, она молча отошла.

Наступила пятница. Некие высшие силы благосклонно решили, что свидание с Данилой все же должно состояться: мои родители, ценившие городской комфорт, были в кои-то веки приглашены на дачу к дальним родственникам отца.

Едва они успели отчалить, как я с боевым кличем ринулась к маминому шкафу. Мама у меня субтильная, так что ее вещи мне впору.

Я выбрала голубое легкое платье в едва заметных белых цветочках. Правда, мамины нарядные босоножки оказались малы, но все же мне удалось, подогнув пальцы, втиснуть в них ноги. Как сказал нам однажды преподаватель дефиле

Жорик: «Крашшота требует жертв!»

Я накрасила губы и подвела глаза так, чтобы они казались немного раскосыми, как у мультипликационной кошки.

Короче, когда Данила увидел меня, он даже присвистнул. Еще бы – назначил свидание стеснительно сутулящейся девчонке, а явилась томная (правда, слегка прихрамывающая) девушка.

Выяснилось, что у Данилы есть машина – красный потрепанный «фордик».

– Даже неудобно приглашать *такую* девушку в эту колымагу, – сказал он, открывая передо мной дверцу.

И мне было приятно, оправдывая определение «*такая* девушка», загадочно улыбаться и лениво щурить глаза.

– Ну, куда едем? – спросил он, барабаня пальцами по рулю.

– Мы же вроде в боулинг собирались, – напомнила я, – но мне все равно.

– Жарковато для спорта. – Он надавил на газ, и машина плавно тронулась с места. – Может, лучше в кабак?

Я неопределенно пожала плечами.

– Ты какие рестораны предпочитаешь? – допытывался Данила. – Итальянские? Мексиканские? Японские?

Я нервно сглотнула. Шутит он, что ли? Да я вообще ни разу в ресторане не была и вершиной гастрономического рая считала мамину ягодную кулебяку.

– Ясно, – усмехнулся он, – тогда я на свой вкус выберу. Ду-

маю, кондитерская с французскими пирожными подойдет.

Еще несколько дней назад я наивно гордилась твердостью характера и была стопроцентно уверена, что легко выдержу любую, даже самую строгую диету. Но я просто не подзревала о существовании таких пирожных. Откуда мне было знать, что ванильное тесто может само собой неспешно таять на языке и что коньячный крем может быть таким одновременно терпким и сладким – ммм... глаза сами собой блаженно зажмуриваются!

Глядя на то, как неуверенно я выбираю десерт, Данила решительно отобрал у меня меню и попросил официантку принести все имеющиеся в наличии сладости. В итоге на нашем столике оказались пятнадцать пирожных, четыре куска торта и две вазочки с тягучей белой субстанцией, на поверку оказавшейся молочным желе.

Энергично пережевывая пятое по счету пирожное, я вдруг запоздало вспомнила о том, что не далее как вчера твердо решила стать знаменитой манекенщицей. Поделилась опасениями с Данилой. А он, мерзавец, вместо того чтобы заботливо предложить мне лекарство от колик в животе, расхохотался.

– Видела бы ты, как моя Лизка жрет! А ведь тоже в звезды метит...

Я с удовольствием подхватила разговор о Даниной сестре, потому что все прочие нейтральные темы (погода, мода,

конкурс моделей, его вечно ломающийся автомобиль, наши общие стремительно исчезающие пирожные) мы обсудили. Обычно я не испытываю сложностей в общении, но тут вдруг с ужасом поняла, что представить не могу, чем бы его заинтересовать. Не рассказывать же ему о школьных подругах – этим я еще больше подчеркну разницу в возрасте.

– Я Лизке не сказала, что встречаюсь с тобой. Наверное, это некрасиво, ведь мы подруги...

– Разве обязательно рассказывать подружкам все? – удивился Данила. – Я, наоборот, даже рад, что она не знает.

– Почему?

– Лизка меня пасет, – объяснил он, – она ревниво относится ко всем моим девушкам.

Эта фраза – «мои девушки» – неприятно резанула слух и заставила меня обиженно нахмуриться. Что же это получается? Меня, некоронованную королеву, будущую единоличную обладательницу пока общего лазоревого платья, низвергли с невидимого пьедестала и смешали с серой толпой, носящей обидно-безличное название «мои девушки»!

– Что значит пасет? Разве она не младшая сестра? Это ты ее пасти должен.

– Понимаешь, мы с Лизаветой росли без родителей, – он бессмысленно тыкал десертной вилочкой в шоколадное пирожное, и я поняла, что этот разговор его немного раздражает, – вот и приглядываем друг за дружкой. Но ты лучше о себе расскажи. Давай помечтаем о том, на что ты потратишь

свой первый миллион, супермодель.

И мы весело намечтали мне домик на берегу Атлантического океана, и сверкающий белый автомобиль, и огромную комнату, забитую фирменными обувными коробками, и даже личную конюшню. Распоряжаться мифическими деньгами было весело и легко.

А потом Данила вдруг спросил:

– Ну а сама-то ты в это веришь?

И я на всякий случай ответила, что верю, хотя главным предметом моих мечтаний были не яхта и не табун арабских скакунов, а всего лишь лазоревое платье. А Данила ответил, что это хорошо, потому что только тот, кто верит в себя, сможет добиться настоящего успеха.

А потом он, сохраняя на лице серьезное выражение, сказал:

– А можно я на тебе женюсь?

Я почувствовала, как миллионы мурашек заплясали аргентинское танго на моей спине. От неожиданности я проглотила молочное желе не жуя. Прохладный ком неприятно медленно заскользил по пищеводу.

– Что?

– Говорю, раз уж ты будешь такой богатой и знаменитой, то я на тебе женюсь. Это называется «брак по расчету», – с легкой улыбкой пояснил он.

А я, вместо того чтобы легкомысленно расхохотаться в ответ или хотя бы мило покраснеть и смущенно потупиться,

серьезно ответила:

– Я согласна!

И теперь уже Дане было неловко, и, чтобы неловкость эту замаять, он быстро перескочил на другую тему. Кажется, мы заговорили о музыке и пришли к многообещающему выводу, что нам обоим нравится рок.

Из ресторана мы вышли за полночь. Данила набросил мне на плечи свой пиджак, хотя ночь была теплая, даже душная. Но этот заботливый жест меня тронул, к тому же от пиджака пахло, как и от самого Дани, – шоколадом, кофе, табаком, одеколоном «Клиник» и немного фруктовой жвачкой.

– Тебя, наверное, родители заждались? – полувопросительно-полуутвердительно сказал он.

– Совсем даже и не ждут. – Мне не понравилось, что он намекает на возраст, тем самым отдаляясь от меня. – Они вообще на даче.

– Хочешь сказать, что тебя даже можно пригласить на пикник?

– Пикник? – округлила я глаза. Наручные дешевые часики показывали половину первого.

– Шашлыков, конечно, в это время не гарантирую, – усмехнулся он, – зато в машине есть одеяло и бутылка шампанского.

И мы отправились на Воробьевы горы. Всю дорогу молчали, как заговорщики. Я до предела открыла окно и под-

ставила разгоряченное лицо теплому игривому сквозняку – так, чтобы развевающиеся волосы щекотали щеки и лоб. Я чувствовала себя счастливой и взрослой. Для полноты ощущений не хватало только закурить. Но я подавила детское желание независимым тоном попросить у Данилы сигарету – это был бы уже перебор, я и так по всем статьям нарушила жесткий модельный режим.

Когда мы наконец прибыли на подходящую для полуночного распития шампанского полянку, я с облегчением скинула туфли. Данила посветил на мои босые ступни неизвестно откуда взявшимся фонариком.

– А пальчики-то все красные, – тихо сказал он.

И не успела я опомниться, как он вышел из машины, открыл дверцу с моей стороны, уселся на корточки, взял в ладони мою ступню и по очереди поцеловал каждый пальчик.

Я нервно отдернула ногу и попробовала даже запихнуть ее обратно в тесную туфлю.

– Ты чего? – рассмеялся Данила. – Не съем, не бойся.

Он достал из багажника расстегнутый спальный мешок и расстелил его на траве. Я продолжала сидеть в машине, но на меня он внимания больше не обращал. Данила вел себя так, словно находился на этой поляне один.

Он комфортно расположился на одеяле, подставив лицо мертвому свету шеробатой луны. Руки закинул за голову, одну ногу положил на другую и расслабленно ею покачивал.

И впервые за весь вечер я подумала, что все пошло как-

то не так. Непонятно, в какой момент я выпустила ситуацию из-под контроля, но то, что это случилось, – факт.

Когда же это произошло? Когда я так обрадовалась его запоздалому звонку? Или когда я варварствовала в маминском шкафу, суетливо перебирая вешалки? Или когда неумело попыталась сделать вид, будто бы родители равнодушны к моим ночным непоявлениям дома?

Есть ли у меня шанс все исправить?

Ведь когда он кормил меня пирожными в кафе, он выглядел почти влюбленным. У него сияли глаза, я вспомнила, как всего час назад мы весело мечтали о розовом домике у океана, которым я непременно когда-нибудь обзаведусь. Данила, смеясь, сказал, что это будет взрослая версия домика для Барби с белыми коврами из искусственного меха, розовой посудой и золотой собачьей будкой, в которой будет обитать холеный, пахнущий французскими духами пекинес. Я вспомнила об этом и неожиданно почувствовала мощный необъяснимый прилив нежности к человеку, который сейчас лежал на распластанном одеяле, равнодушно изучая скупое на звезды московское небо.

Я вышла из машины и присела на одеяло рядом с ним. Данила повернул ко мне лицо и улыбнулся.

– Наконец-то, – сказал он, одним движением руки приводя меня в горизонтальное положение, – а я уже решил, что принцесса меня проигнорирует.

– С нашей Настей что-то происходит, – вполголоса жаловалась мама отцу, – понять не могу. Раньше она была такой покладистой, послушной. А теперь стала совсем неуправляемая.

– Это все так называемый модельный бизнес, – зло ворчал папа, – надо запретить ей жопой вилять, станет опять как шелковая.

– А как ей запретишь? – беспомощно разводила руками мама.

И правда – куда им было меня остановить? Моя самостоятельность формировалась со скоростью снежной лавины. Сначала она была трогательно слабой, как слепленный детской рукою снежок. Теперь же превратилась в разрушительное стихийное бедствие, беспринципно сметающее все наивные родительские запреты.

Восемнадцатого августа я решительно отвоевала право гу-сто красить ресницы. Небольшой экспрессивный скандал – и старая мамина тушь перекочевала в мою косметичку. А первого сентября не явилась в школу. Купленный отцом пышный букет астр так и остался вянуть в трехлитровой банке на кухонном столе. Сама для себя я уже твердо решила как-нибудь протянуть еще один школьный год и на этом свое образование закончить. Только вот родители еще об этом не догадывались, а мне не хотелось тревожить их раньше времени. Зато второго числа в мою школу отправилась мастер дипломатических переговоров Лена Штиль. Уж не знаю, о чем она

беседовала с директрисой за закрытыми дверьми, но переговоры продлились ровно семь с половиной минут. Именно столько времени понадобилось ушедшей Лене, чтобы убедить всю школу в том, что Настя Николаева – восходящая звезда, обращаться с которой надо осторожно и трепетно. Так я вдруг стала – смешно даже – гордостью школы. И те одноклассники, кто еще недавно орал мне: «Тетя, достань воровышка!», теперь на всякий случай пытались со мною подружиться.

Но у меня не было времени с ними лясы точить.

Конкурс неотвратимо приближался. Теперь мы репетировали каждый день. С нами занимался уже не Жорик, а режиссер-постановщик по имени Алексей Львович – subtilный очкарик с холеной русой бородкой, главной мимической особенностью которого было неизменное отсутствие улыбки. Первый раз я встретила человека, который не улыбается вообще никогда. Если кто-то из нас путал очередность появления на подиуме, он так искренне расстраивался – казалось, вот-вот заплачет. Нам даже было как-то неловко его разочаровывать, так что мы старались как могли.

В полном составе мы появлялись на сцене четыре раза. Первый – в вечерних платьях, второй – в купальниках, третий – в шубах и четвертый – в спортивных костюмах. После этого жюри должно было объявить имена пятерых финалистов.

Но Лена Штиль по секрету выболтала нам, что на самом

деле решение будет принято уже после нашего появления в купальниках. Заранее члены жюри получают наши фотографии и анкеты с параметрами (рост, вес, объемы груди, талии, бедер, ягодиц и – да-да – икроножных мышц, размер ноги). На всех репетициях присутствовал профессиональный фотограф. Время от времени он отзывал в сторону кого-нибудь из нас и хмуро объявлял: «У вас есть ровно десять минут на самовыражение!» И мы, начинающие манекенщицы, пытались неумело принимать соблазнительные, на наш дилетантский взгляд, позы. Фотограф же, время от времени презрительно усмехаясь, просил «сделать лицо попроще», за что мы его в итоге дружно невзлюбили.

Снимков нам не показывали. Лена говорила, что эти фотографии – самая важная часть конкурса. А мы, выходит, даже не знали, на чьей стороне преимущество, кто лучше получается на фото.

Однажды посреди репетиции Лизка вдруг ни с того ни с сего спросила:

– Настя, а правда, что ты с моим братом встречалась?

– А с чего ты взяла? – осторожно поинтересовалась я.

Хотя больше всего на свете мне хотелось поделиться с ней своей маленькой, тщательно припрятанной тоской. После той ночи Данила так и не позвонил. Хотя обещал.

Летели дни, тоска моя разрасталась, как раковая опухоль, дала метастазы и своими мягкими щупальцами проросла в самое сердце.

Ну почему, почему, почему так получилось? С какой стати ему вздумалось обо мне забыть?! Неужели он не понял, что был у меня первым?

В ту ночь я постеснялась акцентировать его внимание на своей невинности. То есть не то чтобы и правда постеснялась... На самом деле мне было бы до замирания сердца приятно прошептать ему в ухо: мол, ты у меня первый. И тогда у той слегка подслащенной дешевым игристым вином ночи был бы совершенно иной колорит. Но я никак не могла дожждаться правильного момента, чтобы обрадовать Данилу важной новостью. Я все думала: вот сейчас скажу ему, только дождусь паузы, вот сейчас, сейчас, пусть он только справится наконец с пуговицами моего (то есть мамино) платья, вот только пусть он отвоюет у моей машинально сопротивляющейся руки право на освобождение моего тела от трусов. Сейчас, сейчас. И вдруг выяснилось, что уже поздно. Конечно, я могла сообщить ему об этом и постфактум. Но это уже отдавало какой-то пошлятиной, дешевым психологическим шантажом. Сообщи я ему на десять минут раньше, и у него была бы возможность свести сладко-липкую ночь к исполненной благодарности нежной дружбе.

Но лишение девственности – процесс необратимый. Даниле уже никогда не удалось бы сбросить с себя сомнительно торжественный статус первого.

И я промолчала. Понадеялась, что он и сам все поймет. Достанет же он рано или поздно из багажника одеяло и за-

метит на нем кровавые пятна. Правда, я вовсе не уверена, что кровь была – доводилось мне слышать истории о страдалицах, чье первое соитие обошлось без этого сентиментального атрибута. И все же я надеялась, что сама отношусь к среднестатистической группе.

Лизка смотрела на меня, подозрительно прищурившись.

– Так было или не было? – допытывалась она.

И, вздохнув, я призналась: было. В конце концов, у Лизы можно выпытать какую-нибудь о нем информацию. Вдруг они меня обсуждали? Я вообще не исключала возможности, что это Даня попросил сестру со мной заговорить.

– Я просто хотела тебя предупредить, – ухмыльнулась она, – Данька тот еще ловелас. Поматросит и бросит.

Я вспомнила, как, накрыв мою ладонь своей, Данила с серьезным лицом пообещал на мне жениться. Но потом с улыбкой добавил, что брачное предложение действительно только в том случае, если я прославолюсь и разбогатею.

– Так что ты, главное, с ним не спи!

– Но мне показалось, что... – Я осеклась.

Сказать или не сказать?

– Или ты уже? – догадалась Лизка.

– Нет! – уверенно соврала я.

Она недоверчиво на меня взглянула.

– Ну ладно... Идем на сцену, там опять репетируют ку-пальники.

В нашем коллективе сформировался даже собственный

жаргон. Подиум мы по-свойски называли «языком» – этому научил нас преподаватель дефиле Жорик. А вместо «выход в купальниках» или «выход в вечерних платьях» говорили сокращенно – «купальники», «платья»...

Я уныло поплелась за Лизой на импровизированный подиум. Настроение мое было ниже ноля.

До конкурса оставалось два дня.

Данила так и не позвонил.

Непривычными туфлями на шпильке (которые также раздала нам Лена) я в кровь стерла ноги. Настроение было ужасным, и потому я казалась себе уродиной. Аппетит пропал, и мое лицо немного осунулось. Запали глаза, жестче обозначились скулы, так что в целом у меня был не богемный модельный, а болезненный чахоточный вид. Меня раздражала каждая мелочь – и демонстративная родительская холодность, и напускное веселье так называемых подруг.

Мама сделала первый шаг к примирению – подарила мне рассыпчатую пудру с блестками. Отец был категорически против. Но мама, поразмыслив о моем возможном будущем, проанализировав все вероятные варианты, решила, что не стоит упускать то, что само плывет в руки. Вряд ли ее непутевая дочь, то бишь я, что-нибудь потеряет, если потратит пару лет на модельную карьеру. Если что-то не сложится, образование можно будет продолжить и в семнадцать лет. Для девочки это совсем не катастрофа. А вот свежесть юности

уходит быстро, и надо пользоваться моментом, чтобы попытаться ее задорого продать.

Про себя я решила, что это предприимчивая Лена Штиль промыла ей мозги.

В нашей квартире наконец воцарился мир.

Блестящая пудра, которая сыграла роль трубки мира, была упакована в дорогую хрустальную коробочку. Пуховка была похожа на спрессованные ключья розовой ваты. Никогда раньше у меня не было столь изящной вещицы, поэтому я сразу решила, что эта пудреница станет моим талисманом в новой, взрослой и красивой жизни.

Иногда посреди репетиции я уединялась в гримерной под невинным предлогом припудривания носа. Я садилась на корточки, прижималась спиной к прохладной стене, подносила пуховку к лицу и, блаженно зажмурившись, вдыхала ее смутно-сладкий аромат. Потом торопливо пробегала пуховкой по щекам и носу, и мягкие ватные прикосновения казались мне нежнее самого сладкого поцелуя.

Однажды за этим занятием меня застала Лизка.

– Ты чего? – насмешливо приподняла она бежевую бровь.

В последнее время Лиза не без помощи гримеров, стилистов и агрессивного влияния других красавиц изменилась. В ее пятнадцатилетнем смазливом лице появилась некая резкость, пронзительная взрослость, и это ей очень шло. Раньше она была просто мягкой славянской красавицей, теперь

же ее красота стала яркой, бесспорной, очевидной и, пожалуй, даже хищной.

В последние дни мы вообще присматривались друг к другу пристальнее, чем обычно. Раньше мы воспринимали других девчонок как «подиумных товарок», с которыми можно было покурить в небольших перерывах, посплетничать и с умным видом обсудить модные тенденции, в которых мы, положа руку на сердце, мало что понимали. Но по мере приближения заветного конкурсного дня каждая подружка становилась конкуренткой.

Я пыталась смотреть на Лизавету как на подругу, но неизменно видела перед собой соперницу. Не могу сказать, чтобы это чувство было приятным.

– Да вот, припудриваюсь, – смущенно ответила я, – мне мама пудру новую подарила, все не могу налюбоваться.

– У тебя такой вид, как будто ты мастурбируешь, – с ядовитым смешком сказала Лиза.

– Да брось. – Я торопливо захлопнула пудреницу и запихнула ее в сумку, тем самым меняя тему. – А ты почему не репетируешь?

– Тебя ищу, – Лиза присела рядом со мной прямо на пол, – поговорить надо. Об одном человеке.

– О чем? – обрадовалась я.

Конечно, она хочет поговорить со мной о Даниле, иначе с чего бы ей так загадочно понижать голос! О ком же еще! Он наконец осознал, какую чудовищную ошибку совершил,

ответив на мою доверчивую страсть затяжным молчанием. Но прежде чем исправить положение, решил, что называется, прощупать почву с помощью младшей сестры.

Но рано я радовалась.

– Знаешь, чего сука Николь задумала? – прошептала Лиза.

– Чего? – разочарованно спросила я. Чужие козни меня мало интересовали. На фоне собственных неприятностей хитрые действия Снежной королевы казались просто пустяком.

– Вот и я не знаю, – вздохнула Лизавета, – но тебя она ненавидит, это факт.

– Она всех ненавидит, – хмыкнула я, – такой уж характер у человека.

– Может быть, – серьезно согласилась Лиза, – но тебя больше всех. И она против тебя всех настраивает.

– Да кто ее будет слушать! – махнула рукой я.

– Эта змея умеет прикидываться. Сегодня утром ты опоздала, а вот она пришла вовремя. Собрала вокруг себя девчонок и давай их науськивать! Сначала она говорила, что ты бластная и успела оприходовать каждого члена жюри...

– Оприходовать? – со смешком переспросила я.

– Трахнуть, если тебе так больше нравится, – прищурилась Лиза. – Я, конечно, за тебя вступилась, но многие ей поверили.

Я посмотрела в ту сторону, где на сцене восемна-

дцать участниц конкурса моделей старательно репетировали «шубное» дефиле. И вдруг заметила, что нет-нет да и кто-то из них бросает в мою сторону неприязненный, исполненный брезгливого любопытства взгляд.

С ума они тут все походили, что ли?

– А потом она сказала, мол, у тебя на лбу написано, что ты девица облегченного поведения. Она так и сказала – «облегченного». Вот идиотка!

Лиза заглядывала мне в лицо, ожидая горячих с моей стороны протестов. Но мне не хотелось возмущаться с ней в унисон.

– Нашла проститутку! – Она пыхтела, как закипающий чайник. – Да ты у нас вообще девственница, разве нет?

«Нет, – уныло подумала я, – но, к сожалению, ты вряд ли узнаешь о той ночи, которая заметно «облегчила» мое поведение».

– Чего молчишь? – Она погладила меня по голове.

У Лизки была горячая влажная ладошка, и я с досадой подумала о том, что теперь придется перемыть волосы. Но прервать дружеский успокаивающий жест не хватало смелости. Она же хочет как лучше, в конце концов. А я раздражаюсь на нее лишь за то, что незнание делает мою подругу бестактной. Если бы я сразу рассказала ей о Даниле, все было бы по-другому.

Лизка поняла мое удрученное молчание по-своему:

– Насть, ну не расстраивайся ты так! Мнение этих куриц

ничего не значит. У тебя есть твоя карьера. И я. Все будет хорошо. Между прочим... – она воровато оглянулась по сторонам и немного понизила голос: – Одна моя знакомая видела Николь в ресторане с Борисом Бажовым.

– С кем? – равнодушно переспросила я.

– С Борисом Бажовым! – возбужденно повторила Лизка.

– А кто это?

– Ну ты даешь! Нельзя же быть такой овцой, Настя.

– Объясни по-человечески, – устало попросила я.

– Борис Бажов – генеральный директор модельного агентства «Дженерал». Это одно из первых агентств в Москве, – тоном прилежной ученицы, декламирующей выдержки из учебника словесности, отчеканила Лиза. – Он председатель жюри. От его мнения все зависит. Победительница поедет в Америку участвовать в рекламной кампании «Дрим-косметикс». А остальные четыре финалистки подпишут контракт с «Дженерал». Они будут работать в Москве, зато работы – завались! И какой работы! – Ее глаза возбужденно блестели. – У «Дженерал» все схвачено. Контракты с журналами, рекламными агентствами. Повезет же финалисткам!

В Лизином последнем восклицании была и неоформившаяся зависть к четырем счастливицам, и горячая надежда стать одной из них.

– И эта сука с ним в ресторане жрала! – подытожила наконец она.

И замолчала, предоставив мне заполнить паузу искрен-

ним негодованием по поводу стервозности и подлой предусмотрительности Снежной Королевы.

– Думаешь, это что-то значит? – наконец выдавила я. – Может, они просто друзья.

– Нет, ну я не могу на тебя, Николаева! – всплеснула руками Лизка. – Откуда ты только такая взялась? Не смей меня. Во-первых, заруби себе на носу: мужики с бабами не дружат. Во-вторых, уже то, что она завела эту нежную дружбу именно накануне конкурса, кое о чем говорит. А в-третьих, – щелкнула наманикюренными пальчиками Лизка, – в-третьих, даже такой овце, как ты, должно быть понятно, куда обычно люди отправляются после вечернего похода в ресторан. Сечешь? Особенно такие б..., как наша Николь.

При этих ее словах горячая кровь бросилась мне в лицо. Не знаю уж, куда люди отправляются после похода в ресторан, подумала я. Зато мне прекрасно известно, куда и зачем они едут после посещения французской кондитерской.

...В предконкурсный день в нашем коллективе грянул скандал.

Толстокудрую молчунью Тамару заставили подстричься. А она сопротивлялась так отчаянно и зло, словно ей, как африканской женщине, предложили сделать обрезание клитора без наркоза.

Всех нас организованно повели в салон известнейшего на всю Россию стилиста Андрея Птицына. Вот этот Птицын-то и решил, что роскошные шелковые на ощупь косы Тамары

толщиной в четыре пальца уродуют ее и простят.

Как она рыдала!

Я впервые видела, чтобы взрослый по всем параметрам человек (грудь третьего размера, нога – сорок первого с половиной) в голос убивался из-за такой мелочи. Хотя где мне ее понять, на моей голове никогда не было такого эксклюзивного богатства.

– Я их с детства растила, – голосила обычно тихая Томка, – с пяти лет ни разу не ходила в парикмахерскую.

– Оно и видно, – безжалостно усмехнулся Птицын, – это не волосы, а гора отмерших клеток. Концы все изжеваны, как старая мочалка. И щеки кажутся круглыми из-за этих волос.

– В этом моя изюминка, – всхлипнула Тамара, отступая к стене. Как будто бы он собирался наброситься на нее с ножницами и феном, – без волос я стану как все.

– Это тебе бабушка сказала? – усмехнулся Андрей. – Короче, так. Заставлять я тебя не буду. Ты девушка взрослая, пришло время делать выбор. Или волосы, или конкурс.

Его последние слова потонули в дружном хоровом «ах!». Девчонки взволнованно переговаривались. Так уж вышло, что Тамара оказалась в кресле прославленного стилиста первой. Кто знал, какие «чудесные» метаморфозы ждали с его легкой руки каждую из нас? Может быть, он решит, например, что меня украсит задорная стрижка а-ля панк с торчащим хохолком волос, выкрашенным в ярко-красный цвет, а если я откажусь, меня тоже отстранят от участия в конкур-

ce?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.